

18+

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

В

АШИНГ'ТОН

РВИНТ

Книга
Эскизов

ЛЕГЕНДА

ОННОЙ
ОЩИНЕ

Перевод Алексея Козлова

Вашингтон Ирвинг

**Легенда о Сонной
Лощине. Книга Эскизов**

«Издательские решения»

Ирвинг В.

Легенда о Сонной Лощине. Книга Эскизов / В. Ирвинг —
«Издательские решения»,

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова книги Вашингтона Ирвинга «Книга Эскизов», представляющей из себя увлекательную литературную смесь из несомненных хитов — «Рипа Ван Винкля» или «Легенды о Сонной Лощине» и тонких наблюдений, почерпнутых автором во время путешествия в Англию. Издание 1819 года.

Содержание

Предисловие к Исправленному Изданию	6
Путешествие	12
Роско	16
Рип Ван Винкль	24
Мильтон о Свободе Слова	36
Утром Разбитое Сердце	45
Искусство Создания Книг	49
Королевский Поэт	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Легенда о Сонной Лощине

Книга Эскизов

Вашингтон Ирвинг

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вашингтон Ирвинг, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-0717-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к Исправленному Изданию

Нижеследующие эскизы, за двумя исключениями, были написаны в Англии и составляли лишь часть намеченной серии, для которой я делал заметки и вёл памятные дневники. Однако прежде чем у меня созрел какой-либо план, обстоятельства вынудили меня отправить их по частям в Соединенные Штаты, где они время от времени публиковались отдельными кусками в разных журналах. В мои намерения не входило публиковать их в Англии, поскольку я сознавал, что содержание многих скетчей может быть интересно только американским читателям, и, по правде говоря, меня отпугивала неизбывная суровость, с которой британская пресса тогда относилась к американским сочинениям.

К тому времени, когда содержание первого тома явилось в таком неожиданном виде, оно начало распространяться по всему Атлантическому побережью и публиковаться, сопровождаясь множеством любезных похвал, которые достигли пика в лондонской «Литературной газете».

Говорили также, что один лондонский книготорговец намеревался опубликовать их в виде сборника. Поэтому я решил опубликовать их сам, чтобы они могли, по крайней мере, воспользоваться моим руководством и доработкой. Соответственно, я отнес распечатанные номера, полученные мной из Соединенных Штатов, мистеру Джону Мюррею, выдающемуся издателю, от которого я уже получал знаки дружеского внимания, оставил их ему для ознакомления, сообщив, что, если он пожелает представить их публике, у меня под рукой достаточно материалов для второго тома.

После того, как прошло несколько дней без какого-либо ответа от мистера Мюррея, я направил ему письмо, в котором истолковал его молчание как молчаливое неприятие моей работы и попросил вернуть мне номера, которые я оставил у него. Ниже был его ответ:

«МОЙ ДОРОГОЙ СЭР

я умоляю вас поверить, что я действительно благодарен вам за ваши добрые намерения по отношению ко мне и что я испытываю самое неподдельное уважение к вашим изысканным талантам. В это время мой дом полностью заполнен рабочими, а у меня есть только кабинет, где я веду дела; и вчера я был полностью занят, иначе я бы доставил себе удовольствие повидаться с вами. Если меня не устраивает участие в публикации вашей настоящей работы, то это только потому, что я не вижу в ней того размаха, который позволил бы мне составить те удовлетворительные отчеты между нами, без которых я действительно не чувствую удовлетворения от участия, но я сделаю все, что в моих силах чтобы способствовать их распространению, и мы будем в полной мере готовы принять участие в любых ваших планах и начинаниях на будущее.

С глубоким уважением остаюсь, дорогой сэр, Ваш верный слуга ДЖОН МЮРРЕЙ.

Это привело меня в полное уныние и могло бы удержать от дальнейших попыток публикации, если бы вопрос о переиздании в Великобритании полностью зависел от меня; но, честно говоря, я опасался появления поддельного издания. Теперь я думал о мистере Арчибальде Констебле как об издателе, поскольку во время моего визита в Эдинбург он оказал мне великое гостеприимство; но сначала я решил представить свою работу сэру Уолтеру (в то время мистеру) Скотту, воодушевленный сердечным приемом, оказанным мне им в Эбботсфорде несколькими годами ранее, и благоприятным отзывом, который он высказал о других моих ранних работах. Соответственно, я отправил ему напечатанные номера Альбома для рисова-

ния почтовой каретой и одновременно написал ему, намекая, что с тех пор, как я имел удовольствие пользоваться его гостеприимством, в моих делах произошли перемены, которые сделали успешную работу с пером чрезвычайно важной для меня.

Посему я попросил его просмотреть литературные статьи, которые я ему переслал, и, если он считает, что они выдержат переиздание в Европе, выяснить, не согласится ли мистер Констебл выступить в роли издателя. Оригинал Посылка с моей работой была отправлена почтовой каретой на адрес Скотта в Эдинбурге; письмо было отправлено по почте в его загородную резиденцию. С первой же почтой я получил ответ, прежде чем он успел увидеть мою работу.

«Я был в Келсо, — сказал он, — когда ваше письмо дошло до Эбботсфорда. Сейчас я на пути в город, поговорю с констеблем и сделаю все, что в моих силах, чтобы изложить ваши взгляды — уверяю вас, ничто не доставит мне большего удовольствия».

Однако намёк на перемену в судьбе сразу же насторожил Скотта, и с присущей его натуре практичностью и деловой доброжелательностью он уже придумал, как помочь мне. Далее он сообщил мне, что в Эдинбурге вот-вот будет открыто еженедельное периодическое издание, поддерживаемое самыми уважаемыми специалистами и в изобилии снабжённое всей необходимой информацией. Должность редактора, на которую были выделены значительные средства, стоила бы пятьсот фунтов стерлингов в год с разумной перспективой получения дополнительных льгот. Поскольку эта ситуация, по-видимому, была в его распоряжении, он откровенно предложил её мне. Однако, как он намекнул, работа должна была иметь некоторую политическую подоплёку, и поэтому тут он выразил опасение, что тон, который желательно было принять, может мне не подойти.

— И все же я рискну задать этот вопрос, — добавил он, — потому что не знаю человека, который был бы настолько квалифицирован для выполнения этой важной задачи, и, возможно, потому, что это обязательно приведёт вас в Эдинбург. Если моё предложение вас не устроит, вам следует сохранить это только в тайне, и ничего страшного не случится. И, ради всего святого, я молю вас не обижать меня». Если, напротив, вы считаете, что это могло бы вас устроить, дайте мне знать как можно скорее, адрес: Касл-стрит, Эдинбург.»

В постскриптуме, написанном из Эдинбурга, он добавляет: «Я только что приехал сюда и просмотрел альбом для рисования. Он, безусловно, прекрасен и усиливает мое желание приукрасить вас, если это возможно. В решении такого вопроса всегда возникают некоторые трудности, особенно в самом начале, но мы постараемся устранить их, насколько это возможно».

Ниже приводится неполный вариант моего ответа, который претерпел некоторые изменения в отправленной копии:

«Я не могу выразить, насколько я польщён вашим письмом. Мне уже начало казаться, что я позволил себе непозволительную вольность, но, так или иначе, в Вас есть что-то солнечное, что согревает все, что закрадывается в сердце, и вселяет уверенность. Ваше литературное предложение одновременно удивляет и льстит мне, поскольку свидетельствует о гораздо более высоком мнении о моих талантах, чем я полагаю сам».

Затем я объяснил, что считаю себя совершенно неподходящим для ситуации, в которой оказался, не только из-за своих политических взглядов, но и по самому складу ума и привычкам.

«Весь мой жизненный путь, — заметил я, — был бессистемным, и я не приспособлен ни к какой периодически повторяющейся задаче или к какому-либо обусловленному труду рук или ума. Я не владею своими талантами, какими бы они ни были, и вынужден следовать за изменениями своих мыслей, как за флюгером. Практика и тренировки могут помочь мне лучше управлять собой; но в настоящее время я так же бесполезен для регулярной службы, как какой-нибудь из индейцев на моей родине или донской казак. «Поэтому я должен продолжать в том же духе, что и начал: писать, когда могу и хочу, а не тогда, когда кто-то хотел бы. Я буду время от времени менять место жительства и писать то, что подсказывают мне предметы,

представшие предо мной, или то, что возникает в моём воображении; и надеюсь со временем научиться писать лучше и обильнее.

— Я разыгрываю эгоиста, но я не знаю лучшего способа ответить на ваше предложение, чем показать, какой я никчёмный человек. Если мистер Констебль захочет поторговаться за те товары, которые у меня есть, он подтолкнёт меня к дальнейшему предпринимательству; и это будет похоже на торговлю с цыганом плодами своих походов, который в один момент сможет предложить только деревянную миску, а в другой держать на всякий случай серебряную кружку.

В ответ Скотт выразил сожаление, но не удивление по поводу того, что я отказался от того, что могло оказаться хлопотной, досужей обязанностью. Затем он вернулся к первоначальной теме нашей переписки; подробно описал различные условия, на которых были заключены соглашения между авторами и книготорговцами, чтобы я мог сделать свой выбор; выразил самую обнадеживающую уверенность в успехе моей работы и предыдущих произведений, которые я выпустил в Америке.

«Я сделал не больше, — добавил он, — чем отрыл траншеи вместе с Констеблем; но я уверен, что если вы возьмёте на себя труд написать ему, то увидите, что он отнесётся к вашим предложениям со всем вниманием. Или, если вы считаете, что в первую очередь важно пови-даться со мной, я буду в Лондоне в течение месяца, и всё, что в моих силах, в вашем полном распоряжении. Но я мало что могу добавить к тому, что сказал выше, за исключением моей настоятельной рекомендации Констеблю вступить в переговоры».

Я не могу не привести в примечании следующий абзац из письма Скотта, который, хотя и не имеет отношения к главной теме нашей переписки, которая была слишком характерной, чтобы ее можно было опустить. Некоторое время назад я отправил мисс Софии Скотт Смолл — двенадцатитомные американские издания стихов её отца, изданные в Эдинбурге в четырёх томах, демонстрирующие «нигромантию» американской прессы, с помощью которой кварта вина превращается в пинтовую бутылку.

Скотт замечает: «В спешке я не поблагодарил вас от имени Софии за то доброе внимание, с которым вы снабдили её американскими томами. Я не совсем уверен, что могу добавить свой собственный, поскольку вы познакомили её с гораздо большим количеством папиных глупостей, чем она хотела бы они никогда не учились чему-либо другому, потому что я особенно заботился о том, чтобы они никогда не увидели ничего из этого в свои ранние годы. Я уже говорил вам, что Уолтер затеял подметание небосвода пером, рубку асфальта мечом, как косой — в других слова, он стал усатым гусаром в полку «18 Драгун».

Однако до получения этого в высшей степени любезного письма я решил не обращаться за помощью ни к одному ведущему книготорговцу, а представить свою работу публике на свой страх и риск, и пусть она тонет или выплывает в зависимости от ее достоинств. Я написал об этом Скотту и вскоре получил ответ: «Я с удовольствием отмечаю, что вы собираетесь заявить о себе в Британии. Это, конечно, не самый лучший способ — публиковаться самостоятельно, поскольку книготорговцы выступают против распространения таких произведений, которые не приносят им огромных доходов. Но они утратили искусство полностью перекрывать дорогу в таких случаях между автором и публикой, что когда-то им удавалось делать так же эффективно, как Дьявол в «Священной войне» Джона Баньяна закрывал окна особняка милорда Понимания.

Я уверен в одном: достаточно быть известным британской публике, чтобы она тобой восхищалась, и я бы не стал этого говорить, если бы действительно не придерживался такого мнения.

«Если вы когда-нибудь ознакомитесь с остроумным, но довольно местным изданием под названием Blackwood's Edinburgh Magazine, то в последнем номере вы найдете упоминание

о ваших работах: автор — мой друг, которому я представил вас в качестве литератора. Его зовут Локхарт, это очень талантливый молодой человек, который вскоре будет тесно связан с моей семьей. Далее мы рассмотрим и проиллюстрируем моего верного друга КникерЪ-Бокера. Констебль был чрезвычайно заинтересован в заключении договора на ваши работы, но я предвижу, что он будет еще более заинтересован, когда Ваше имя будет названо, и вы можете отправляться из Толедо в Мадрид.

«...И это скоро произойдет. Я надеюсь быть в Лондоне примерно в середине месяца и обещаю себе огромное удовольствие еще раз пожать вам руку».

Первый том «Книги Эскизов» был издан в Лондоне, как я и предполагал, на свой страх и риск, безвестным книготорговцем и без каких-либо обычных ухищрений, с помощью которых о произведении трубят во всеуслышание. И всё же отрывки, ранее появившиеся в «Литературной газете», и доброе слово, сказанное редактором этого периодического издания, привлекли к ней некоторое внимание, и она уже начала поступать в продажу, когда мой достойный книготорговец разорился еще до истечения первого месяца, и продажа была прервана. В этот момент в Лондон прибыл Скотт. Я позвал его на помощь, так как сам увязал в трясине, и, будучи более великодушным, чем Геркулес, он подставил свое благородное плечо под удар. Благодаря его благоприятным отзывам Мюррея быстро убедили взяться за будущую публикацию книги, от которой он ранее отказался. Последующее издание первого тома было отменено, а второй том сдан в печать, и с этого времени Мюррей стал моим издателем, ведя себя во всех своих делах с тем честным, открытым и либеральным духом, который принёс ему заслуженное прозвище Принца Книготорговцев. Так, под добрым и сердечным покровительством сэра Вальтера Скотта, я начал свою литературную карьеру в Европе; и я чувствую, что, признавая свои обязательства перед ним, я лишь в малой степени исполняю свой долг благодарности памяти этого человека с золотым сердцем. Но кто из его современников-литераторов, когда-либо обращавшихся к нему за помощью или советом, не получал самой быстрой, щедрой и действенной помощи?

У. И. САННИСАЙД, 1848.
АЛЬБОМ ДЛЯ ЗАРИСОВОК.
РАССКАЗ АВТОРА О СЕБЕ

Я согласен с Гомером в том, что, как улитка, выползшая из своей скорлупы, была превращена в жабу и вынуждена была соорудить скамеечку, чтобы сидеть на ней, так и путешественник, покидающий свою страну, за короткое время превращается в такое чудовище, что его невозможно разглядеть. фейн хочет изменить свой особняк в соответствии со своими манерами и жить там, где он может, а не там, где хотел бы. —

СЛОВА ЛИЛИ

Мне всегда нравилось посещать новые места и наблюдать за странными персонажами и манерами аборигенов. Ещё ребенком я начал путешествовать и совершил множество познавательных поездок в чужие края и неизведанные районы моего родного города, что часто вызывало тревогу у моих родителей и вознаграждение городского глашатая. По мере того как я рос, круг моих наблюдений расширялся. Выходные дни я проводил в прогулках по окрестностям. Я познакомился со всеми ее достопримечательностями, известными из истории или легенд. Я наизусть знал каждое место, где было совершено убийство или ограбление, или где видели привидение. Я посетил соседние деревни и значительно пополнил свой багаж знаний, изучая привычки и обычаи фермеров и беседа с их мудрецами и старожилками.

Однажды долгим летним днем я даже поднялся на вершину самого отдалённого холма, откуда мой взгляд простирался на многие мили терры инкогнито, и был поражен, обнаружив,

насколько обширен Земной Шар, на котором я живу. С годами моя склонность к странствиям только усилилась. Книги о путешествиях стали моей страстью, и, поглощая страстно, я пренебрегал обычными школьными занятиями. С какой тоской бродил я в хорошую погоду по причалам и наблюдал за уходящими в дальние края кораблями; с какой тоской смотрел я вслед их удаляющимся парусам и уносился в воображении на край света!

Дальнейшее чтение и размышления, хотя и поставили это смутное влечение в более разумные рамки, лишь укрепили мою решимость. Я побывал в разных уголках своей страны, и если бы я был просто любителем красивых пейзажей, то не испытывал бы особого желания искать удовлетворения своей неуёмной любознательности где-либо ещё, ибо ни в одной стране природа не была столь щедро расточаема. Её могучие озера, её океаны, отлитые словно из жидкого серебра; её горы с их яркими воздушными переливами; её долины — кладовые дикого плодородия; её огромные водопады, гремящие в своём уединении; её бескрайние равнины, покрытые буйной зеленью; её широкие, глубокие реки, в торжественном молчании несущие воды к океану; её непроходимые, девственные леса, где растительность демонстрирует все свое великолепие; её небеса, осиянные волшебством летних облаков и ликующей песней великолепного солнечного света; — нет, американцу никогда не нужно заглядывать дальше своего собственного носа — пред ним страна возвышенных и прекрасных природных пейзажей. Но Европа таила в себе все прелести легендарных и поэтических ассоциаций. Здесь можно было увидеть шедевры искусства, утонченность высокообразованного общества, причудливые особенности древних и местных обычаев. Моя родная страна была полна юношеских надежд; Европа была богата сокровищами, накопленными веками. Сами её руины рассказывали историю ушедших времен, и каждый полуразрушенный камень был летописью. Я жаждал побродить по местам великой славы, пройти, так сказать, по следам древних героев, побродить по разрушенному замку, поразмышлять под падающей башней, короче говоря, сбежать от обыденности настоящего и затеряться среди призрачного величия прошлого. Прошлое всегда влекло меня. Помимо всего этого, у меня было искреннее желание увидеть, а может быть и познакомиться с великими людьми Земли. Это правда, что и у нас в Америке есть свои великие люди: не Вечный город, но их тут предостаточно. В своё время я вращался среди них и почти увял в их густой тени, в которую они меня бросили, ибо нет ничего более пагубного для маленького человека, чем тень великого человека, которая всё время падает на него, особенно тень великого человека большого города. Но мне не терпелось увидеть великих людей Европы, потому что я читал в трудах разных философов, что в Америке все животные выродились, и человек в том числе. Великий человек Европы, думал я, должен, следовательно, быть так же возвышен над великим человеком Америки, как вершина Альп над высокогорьем Гудзона; и в этой мысли я утвердился, наблюдая сравнительную важность и растущую значимость многих английских путешественников среди нас, которые, как я был конечно, таких людей было очень мало в их собственной стране.

«Я побываю в этой стране чудес, — думал я, — и увижу расу гигантов, из которой я произошёл».

На мою долю выпало либо благо, либо зло — удовлетворять свою страсть к странствиям. Я странствовал по разным странам и был свидетелем многих перемен декораций жизни. Я не могу сказать, что изучал их взглядом философа, скорее, тем рассеянным взглядом, с которым скромные любители живописи прогуливаются от витрины одной типографии к витрине другой, иногда поражаясь очертаниям красоты, иногда карикатурным искажениям, а иногда очарованию их пейзажа. Поскольку у современных туристов вошло в моду путешествовать с карандашом в руке и привозить домой свои несравненные портфолио, заполненные набросками, я решил сделать несколько набросков для развлечения своих друзей. Однако, когда я просматриваю намеки и заметки, которые я записал для этой цели, у меня чуть сердце не замирает, когда я понимаю, что мой праздный юмор увёл меня в сторону от великой цели, кото-

рую изучает каждый обычный путешественник, желающий написать книгу. Боюсь, что меня постигнет такое же разочарование, как и неудачливого пейзажиста, который путешествовал по Континенту, но, следуя своей склонности к бродяжничеству, рисовал в укромных уголках и закоулках на задворках Природы. Соответственно, его альбом для рисования был переполнен коттеджами, пейзажами и неприметными руинами; но он не удосужился нарисовать собор Святого Петра или Колизей, каскад Терни или Неаполитанский залив, и во всей его коллекции не было ни одного ледника или вулкана.

Путешествие

*Корабли, корабли, я увижу вас
Среди всего прочего,
Я приду и испытаю вас!
Что вы защищаете?
Какова ваша цель?
Один отправляется за границу за товарами,
Другой остается, ч
Чтобы уберечь свою страну от вторжения,
Третий возвращается домой с богатым грузом.
Привет, любимая!
Куда твой путь*

СТАРОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

ДЛЯ американца, посещающего Европу, долгое путешествие, которое ему предстоит совершить, является отличной тренировкой его интеллекта. Временное отсутствие мирских развлечений и занятий создаёт настроение, особенно подходящее для получения новых и ярких впечатлений. Огромное водное пространство, разделяющее полушария, похоже на чистую страницу в истории, или, можно сказать, на стартовую позицию бегуна.

Здесь нет постепенного перехода, благодаря которому, как в Европе, особенности и население одной страны почти незаметно переходит в население другой и сливается с ним. С того момента, как вы теряете из виду покинутую вами землю, все вокруг превращается в пустыню, пока вы наконец не ступаете на противоположный берег и сразу же не окунетесь в суету и новшества другого мира. В путешествии по суше есть непрерывность пейзажа и связанная череда лиц и происшествий, которые продолжают историю жизни и уменьшают эффект отсутствия и разлуки. Это правда, что на каждом этапе нашего паломничества мы тянем за собой «удлиняющуюся цепь», но эта цепь неразрывна; мы можем проследить её звено за звеном и чувствуем, что последнее всё ещё ведет нас домой и связывает нас с домом.

Но дальнейшее морское путешествие сразу же разлучает нас. Это заставляет нас осознать, что мы оторваны от надежной опоры осёдлой жизни и брошены на произвол судьбы в сомнительном и опасном мире.

Это создает пропасть, не просто воображаемую, но реальную, между нами и нашими домами — пропасть, подверженную бурям, страху и неуверенности, делающую расстояние ощутимым, а возвращение шатким.

Так, по крайней мере, было со мной. Когда я увидел, как последние голубые очертания моей родной земли исчезают, подобно облаку на горизонте, мне показалось, что я закрыл один том «Мира и его Проблем» и у меня было время для размышлений, прежде чем открыть другой. И эта земля, которая содержала в себе всё самое дорогое для меня в жизни, тоже теперь исчезает из поля моего зрения; какие превратности могут произойти в ней, какие перемены могут произойти во мне, прежде чем я снова увижу её!

Кто может сказать, отправляясь странствовать, куда его могут увлечь изменчивые течения бытия или когда он сможет вернуться; или, может быть, случится ли ему когда-нибудь доведется вернуться к счастливым сценам своего детства? Я сказал, что в море всё пусто; я должен исправить это впечатление. Для человека, склонного мечтать наяву и любящего погружаться в грезы, морское путешествие полно тем для размышлений; но в то же время это чудеса морских глубин и воздуха, которые скорее отвлекают разум от мирских тем.

В спокойный день я с удовольствием облокачиваюсь на перила или взбираюсь на главную вершину и часами размышляю на безмятежной поверхности летнего моря; и тогда я не устаю

смотреть на груды золотых облаков, едва выглядывающих из — за горизонта, представляя их в виде сказочных царств и населяя своими собственными фантазиями; не устаю наблюдать, как мягко колышущиеся волны накатывают своими серебристыми боками, словно замирая на этих счастливых вершинах. С восхитительным ощущением безопасности и благоговейного трепета я смотрю вниз, со своей головокружительной высоты, на морских чудовищ, совершающих свои неуклюжие прыжки: на косяки морских свиней, кувыркающихся на носу корабля; грампуса, медленно поднимающего свое огромное тело над поверхностью; или хищную акулу, мечущийся, как призрак, по голубым, темнеющим внизу водам.

Мое воображение рисует мне всё, что я слышал или читал о водном мире подо мной; о стадах финнов, которые бродят по его бездонным долинам; о бесформенных чудовищах, которые скрываются у самого основания земли; о клешнях и присосках, и о тех диких фантазиях, которыми испещрены рассказы бывалых рыбаков и моряков. Иногда далёкий парус, скользящий вдоль кромки океана, становился ещё одной темой для праздных размышлений. Как интересен этот фрагмент мира, спешащий воссоединиться с огромной массой бытия! Какой великолепный памятник человеческой изобретательности, который в некотором смысле восторжествовал над ветром и волнами; объединил концы света; установил взаимообмен благословениями, наполнив бесплодные районы севера всей роскошью юга; распространил свет знаний, и мир стал ещё шире и богаче, наполнив энергией благотворительные организации культурной жизни; и таким образом связал воедино те разрозненные части человеческого рода, между которыми Природа, казалось, воздвигла непреодолимую преграду.

Однажды мы заметили какой-то бесформенный объект, дрейфующий на некотором расстоянии от нас. В море все, что нарушает монотонность окружающего пространства, привлекает внимание. Это оказалась мачта корабля, который, должно быть, потерпел полное крушение, потому что там были остатки носовых платков, которыми некоторые члены экипажа привязывались к этому рангоуту, чтобы их не смыло волнами. Не было никаких следов, по которым можно было бы установить название судна. Очевидно, обломки дрейфовали в течение многих месяцев; Его облепили гроздья моллюсков, а по бокам красовались длинные водоросли. Но где же, подумал я, команда?

Их борьба за жизнь давно закончилась — они пошли ко дну под рёв бури, их кости белеют на дне океана или в глубоких пещерах необитаемых островов. Тишина и забвение, подобно волнам, сомкнулись над ними, и никто не может рассказать страшную историю их конца.

Какие вздохи разносились по этому кораблю в момент его крушения! Какие молитвы возносились у опустевшего домашнего очага! Как часто любовница, жена, мать внимательно изучали ежедневные новости, чтобы уловить какую-нибудь случайную информацию об этом страннике глубин! Как ожидание перерастало в тревогу, тревога — в ужас, а страх — в отчаяние! Увы! Ни один сувенир не сможет вернуться, чтобы лелеять его любовь. Всё, что может быть известно, это то, что судно вышло из своего порта, «и больше о нём ничего не было слышно!»

Зрелище этого крушения, как обычно, породило множество мрачных анекдотов. Особенно это проявлялось по вечерам, когда погода, которая до сих пор была ясной, становилась дикой и угрожающей и предвещала один из тех внезапных штормов, которые иногда нарушают безмятежность летнего путешествия. Когда мы сидели в каюте при тусклом свете лампы, который делал полумрак еще более жутким, каждый рассказывал свою историю о кораблекрушениях и катастрофах.

Меня особенно поразила короткая история, рассказанная капитаном:

«Когда я однажды шёл, — сказал он, — на прекрасном, крепком корабле «Сэйнт Фолк» вдоль берегов Ньюфаундленда, один из тех густых туманов, которые царят в тех краях, не позволял нам видеть далеко вперёд даже днём; но ночью стояла такая темень, что мы не могли видеть вокруг вообще ничего. Нам не удалось различить ни одной крысы на расстоянии, в два

раза превышающем длину корабля. Я держал фонари на верхушке мачты и постоянно всматривался в чёрную ночь, пытаюсь предугадать рыбацкие баркасы, которые привыкли стоять на якоре у берегов. Дул сильный ветер, и мы с большой скоростью неслись по воде. Внезапно вахтенный подал сигнал тревоги: «Впереди парус!» — едва он был произнесён, как мы поравнялись с ним. Это была небольшая шхуна, стоявшая на якоре бортом к нам. Вся команда спала и забыла зажечь фонарь. Мы врезались в него как раз посередине. Сила, размер и вес нашего судна заставили его мгновенно уйти под воду; мы прошли над ним и продолжили свой курс. Когда затонувшее судно с грохотом уходило под воду, я мельком увидел двух или трех полуголых несчастных, выбежавших из каюты; они только что вскочили со своих постелей, как их с их криками поглотили волны. Я услышал их захлебывающийся вой смешавшийся с шумом ветра. Порыв ветра, донёсший его до наших ушей, лишил нас возможности услышать что-либо ещё. Я никогда не забуду этот жуткий вопль! Прошло некоторое время, прежде чем мы смогли развернуть корабль, так сильно он разогнался и так стремительно шёл вперед. Мы вернулись, насколько могли предположить, к тому месту, где бросил якорь этот неудачник. Несколько часов мы плавали в густом тумане. Мы стреляли из сигнальных ружей и прислушивались, не раздадутся ли крики кого-нибудь из выживших, но все было тихо — мы больше никого из них не видели и не слышали! Признаюсь, эти истории на какое-то время положили конец всем моим прекрасным фантазиям.

Ночью шторм усилился. Море пришло в страшное смятение. Слышался страшный, угрюмый шум набегающих волн и разбивающихся волн прибоя. Утроба бездны ухала и клекотала, взывая к возмездию. Временами казалось, что чёрные тучи над головой разрываются на части от всплесков молний, которые пробегали по пенящимся валам и делали наступающую тьму вдвойне ужасной. Раскаты грома отчётливо разносились над дикой водной гладью, и им вторили горы морских валов. Когда я увидел, как корабль шатается и погружается в эти ревущие пещеры, мне показалось чудом, что он восстановил равновесие или сохранил плавучесть. Его реи погружались в воду, а нос был почти погребён под волнами. Иногда казалось, что надвигающаяся волна вот-вот захлестнет его, и только ловкое движение штурвала спасало борт от удара. Когда я добрался в свою каюту, ужасная сцена всё ещё преследовала меня. Свист ветра в снастях звучал как похоронные псалмы и причитания. Скрип мачт, скрежет и стоны переборки, когда судно бороздило бушующее море, были ужасающими. Когда я услышал, как волны набегают на борт корабля и режут у самого моего уха, мне казалось, что Смерть бушует и неистовствует вокруг этой чахлой плавучей тюрьмы, выискивая свою жертву: простой скрежет гвоздя, раскрытие шва в днище могут дать выход этой силе. Однако погожий денёк со спокойным морем и попутным бризом вскоре развеял все эти мрачные размышления. Невозможно устоять перед радостным влиянием хорошей погоды и попутного ветра на море. Когда корабль украшен всеми парусами, все паруса надуты, и он весело несется по бурлящим волнам, каким величественным, каким галантным он кажется — каким властелином он видит себя над бездной! Я мог бы заполнить целую книгу мечтами о морском путешествии, потому что для меня это почти непрерывные грёзы, но пришло время сойти на берег.

Было прекрасное солнечное утро, когда с мачты раздался волнующий крик «земля!». Только те, кто испытал это на себе, могут составить представление о тех восхитительных ощущениях, которые переполняют сердце американца, когда он впервые видит Европу. С самим этим названием связано великое множество ассоциаций. Это Земля Обетованная, изобилующая всем, о чем он слышал в детстве или над чем размышлял в годы учебы. Мёд и молоко — не лучшее, что есть здесь!

С того времени и до момента прибытия все было в лихорадочном возбуждении. Военные корабли, которые, подобно гигантским стражам, бродили вдоль побережья; мысы Ирландии, простирающиеся до Ла — Манша; горы Уэльса, уходящие в облака; — всё это вызывало мой неустанный интерес.

Пока мы плыли вверх по Мерси, я осматривал берега в подзорную трубу. Мой взгляд с восторгом останавливался на аккуратных коттеджах, окруженных аккуратными кустиками и зелёными лужайками. Я увидел полуразрушенные руины аббатства, заросшие плющом, и заострённый шпиль деревенской церкви, возвышающийся на вершине соседнего холма; всё это было так характерно для Англии, которую мы знали по описаниям классиков.

Прилив и ветер были настолько благоприятными, что корабль смог сразу же подойти к причалу. Причал был запружен людьми: праздными зеваками, нетерпеливыми ожидающими друзей или родственников. Я смог разглядеть торговца, которому был передан корабль. Я узнал его по задумчивому взгляду и беспокойному виду. Засунув руки в карманы, он задумчиво насвистывал и рассказывал взад и вперёд, при этом толпа из уважения к его временной значимости уступила ему небольшое пространство.

На берегу и на корабле раздавались радостные возгласы и приветствия, которыми обменивались друзья, узнавая друг друга. Я особенно обратил внимание на одну молодую женщину, скромно одетую, но с интересными манерами поведения. Она стояла, наклонившись вперёд, среди толпы; её взгляд скользил по кораблю, приближавшемуся к берегу, в поисках кого-нибудь, кого она хотела бы видеть. Она казалась разочарованной и печальной, когда я услышал слабый голос, окликнувший её по имени. Он исходил от бедного моряка, который болел все время плавания и вызвал сочувствие у всех на борту. В хорошую погоду товарищи по кают-компании расстилали для него матрас на палубе в тени, но в последнее время его болезнь так усилилась, что он улегся в гамак и только мысленно выражал желание увидеть свою жену перед смертью. Когда мы поднимались по реке, ему помогли подняться на палубу, и теперь он стоял, прислонившись к вантам, с таким изможденным, таким бледным, таким мертвенно-бледным лицом, что неудивительно, что даже любящий человек не узнал его.

Но при звуке его голоса её взгляд скользнул по его лицу: на нем сразу же отразилась целая гамма нечеловеческой грусти; она всплеснула руками, слабо вскрикнула и застыла, ломая руки в безмолвной агонии.

Всё вокруг теперь было охвачено спешкой и суматохой. Встречи со знакомыми, приветствия друзей — покачивание голов и преговоры деловых людей. Я один был одинок и празден. У меня не было друзей, которых я мог бы встретить, и никто не подбадривал меня. Я ступил на землю своих предков, но чувствовал себя чужаком на этой земле.

Роско

На службе у человечества, чтобы стать Богом-хранителем на земле, которого еще предстоит использовать Смелый пыл разума в достижении героических целей, Таких, которые могут возвысить нас над пресмыкающимся стадом, И заставить нас сиять вечно — вот что такое жизнь.

ТОМСОН

ОДНИМ из первых мест, куда приглашают приезжего в Ливерпуле, является Атенеум. Он построен по либеральному и разумному плану; в нем есть хорошая библиотека и просторный читальный зал, и он является главным литературным центром этого города. Зайдите туда в любое удобное для вас время, и вы обязательно обнаружите, что там полно серьезных личностей, глубоко погруженных в изучение газет. Однажды, когда я посещал это пристанище ученых мужей, мое внимание привлек человек, только что вошедший в комнату. Это был человек весьма преклонного возраста, высокий, почти стройный, и его фигура, возможно, когда — то была внушительной, но немного сгорбилась от времени — возможно, от забот. У него было благородный римский нос и такое же выражение лица; голова, которая могла бы понравиться художнику; и хотя несколько легких морщин на лбу свидетельствовали о том, что он был погружен в бесплодные размышления, его глаза сияли огнем поэтического вдохновения. Во всем его облике было что-то такое, что указывало на существо иного порядка, чем суетящаяся вокруг него раса. Я спросил, как его зовут, и мне сообщили, что это Роско.

Я отступил назад с невольным чувством благоговения. Итак, это был знаменитый писатель; это был один из тех людей, чьи голоса разнеслись по всему миру; с чьими мыслями я общался даже в пустынных уголках Америки. Поскольку мы в нашей стране привыкли знать европейских писателей только по их произведениям, мы не можем воспринимать их как обычных смертных, поглощенных тривиальными или низменными занятиями и сталкивающимися с толпой заурядных людей на пыльных тропинках жизни. Они предстают перед нашим воображением в качестве высших существ, излучающих эманации своего гения и окруженные ореолом литературной славы. Поэтому то, что я увидел эlegantного историка Медичи, вращающегося среди оживленных сынов уличного движения, поначалу потрясло мои поэтические представления; но именно из-за этих обстоятельств и ситуации, в которые он попал, мистер Роско черпает свои наивысшие притязания на восхищение.

Интересно наблюдать, как некоторые личности, кажется, создают самих себя, проявляя себя при любых обстоятельствах и прокладывая свой одинокий, но непреодолимый путь через тысячи невидимых препятствий. Природе, похоже, доставляет удовольствие разочаровывать усердие искусства, с помощью которого она могла бы воспитать обычную законную тупость до уровня зрелости; и наслаждаться энергией и роскошью своих случайных постановок.

Она рассеивает семена гениальности по ветру, и хотя некоторые из них могут погибнуть в каменистой почве этого мира, а некоторые будут задушены шипами и ежевикой ранних невзгод, другие время от времени пустят корни даже в расщелинах скал, храбро пробиваясь к солнечному свету и распространят по своей бесплодной родине всю красоту растительного мира.

Так было и в случае с мистером Роско. Родившийся в месте, явно неблагоприятном для развития литературного таланта, — на самом что ни на есть торговом рынке; без состояния, семейных связей или покровительства; самонадеянный, самопальный и почти самоучка, он преодолел все препятствия, достиг своего высокого положения и, имея стал одним из украше-

ний нации, направил всю силу своего таланта и влияния на развитие и приукрашивание родного города.

На самом деле, именно эта последняя черта его характера привлекла к нему наибольший интерес в моих глазах и побудила меня обратить особое внимание на него моих соотечественников. Какими бы выдающимися ни были его литературные заслуги, он всего лишь один из многих выдающихся авторов этой интеллектуальной нации.

Однако, как правило, они живут только ради собственной славы или собственных удовольствий. Их личная история не преподносит миру никакого урока или, возможно, унижительного примера человеческой слабости или непоследовательности. В лучшем случае они склонны убегать от суеты и обыденности напряженного существования; потакать эгоизму буквальных советников и наслаждаться сценами исключительного умственного наслаждения.

Мистер Роско, напротив, не претендовал ни на одну из привилегий, присущих таланту. Он не заперся ни в саду мысли, ни в элизиуме фантазии, но вышел на большие дороги жизни, он насадил беседки у обочин, чтобы пилигрим и странник мог освежиться, и открыл чистые источники, куда труженик может свернуть, чтобы отдохнуть. от пыли и дневного зноя, и пить из живых потоков знаний. В его жизни присутствовала «каждодневная красота», над которой человечество может размышлять и через это становиться лучше. В нем не было ничего возвышенного и почти бесполезного, неподражаемого примера совершенства; но он представлял собой картину активных, но простых и доступных для подражания добродетелей, которые доступны каждому человеку, но, к сожалению, не многим из них удаётся их сохранить, иначе этот мир уже давно был бы раем.

Но его личная жизнь особенно достойна внимания граждан нашей молодой и деятельной страны, где литература и изящные искусства должны расти бок о бок с более грубыми растениями повседневной необходимости; и их культура должна зависеть не от исключительной преданности времени и богатству, не от оживляющих лучей Солнца. из-за титулованного покровительства, но в часы и сезоны, вырванные из самых чистых мирских интересов умными и склонными к общественному движению личностями. Он показал, как много может сделать для помещения в часы досуга один мастер-дух и как полно оно может передать свой отпечаток окружающим предметам.

Подобно своему собственному Лоренцо Медичи, на которого он, кажется, обратил свой взор, как на образец античности, он переплёл историю своей жизни с историей своего родного города и превратил основы своей славы в памятники своих добродетелей. Куда бы вы ни пошли, в Ливерпуле вы видите следы его деятельности во всём, что отличается элегантностью и либеральностью. Он обнаружил, что прилив богатства идет только по каналам уличного движения; он отвлекся от этого бодрящего занятия, чтобы освежить литературный сад. Своим собственным примером и постоянными усилиями он добился объединения коммерции и интеллектуальных занятий, столь красноречиво рекомендованных в одном из его последних трудов, и на практике доказал, как прекрасно они могут сочетаться и приносить пользу друг другу. Благородные литературные и научные учреждения, которые так прославляют Ливерпуль и дают такой импульс общественному мнению, в основном были созданы мистером Роско, и все они эффективно продвигались им; и когда мы подумаем о быстро растущем богатстве и величине этого города, который обещает соперничать по коммерческому значению с метрополией, станет ясно, что, пробудив в его жителях стремление к умственному совершенствованию, он принёс огромную пользу делу британской литературы. * Выступление по случаю открытия Ливерпульского учебного заведения.

В Америке мы знаем мистера Роско только как писателя; в Ливерпуле о нем говорят как о банкире, и мне рассказывали, что ему не везло в бизнесе. Я не мог пожалеть его, как, как я слышал, поступают некоторые богатые люди. Я считал, что он гораздо выше жалости. Те, кто живет только ради мира и в мире, могут быть подавлены суровыми обстоятельствами, но

такого человека, как Роско, не одолеют превратности судьбы. Они всего лишь подталкивают его к использованию ресурсов его собственного разума, к высшему обществу его собственных мыслей; которым лучшие из людей склонны иногда пренебрегать и скитаться по свету в поисках менее достойных партнеров. Он независим от окружающего мира. Он живёт с древностью и с потомками: с древностью — в приятном общении прилежного уединения, а с потомками — в благородном стремлении к будущей славе. Уединение для такого ума — это состояние наивысшего наслаждения. Здесь его посещают те возвышенные размышления, которые являются надлежащей пищей для благородных душ и, подобно манне небесной, посылаются в пустыню этого мира. Пока мои чувства по этому поводу были ещё живы, мне посчастливилось напасть на дальнейшие следы мистера Роско. Я ехал верхом с одним джентльменом, чтобы осмотреть окрестности Ливерпуля, когда он свернул через ворота в какой-то живописный сад. Проехав небольшое расстояние, мы подъехали к просторному особняку из песчаника, построенному в греческом стиле. Он был построен не в самом чистом стиле, но в нем чувствовалась элегантность, и обстановка была восхитительной. От него отходила прекрасная лужайка, усеянная купами деревьев, расположенных таким образом, чтобы разбивать мягкую плодородную местность на разнообразные ландшафты. Было видно, как Мерси широкой спокойной лентой извивается по зеленым лугам, в то время как горы Уэльса, сливаясь с облаками и тая вдаль, окаймляли горизонт. Это было любимое жилище Роско в дни его процветания. Когда-то это было место изысканного гостеприимства и уединения от литературных занятий. Теперь в доме было тихо и пустынно. Я увидел окна кабинета, из которых открывался вид на живописный пейзаж, о котором я уже упоминал. Окна были закрыты, библиотека исчезла. Двое или трое неприглядных существ слонялись по дому, и мое воображение рисовало их стражами закона. Это было похоже на посещение какого-нибудь классического фонтана, который когда-то бил своими чистыми водами в священной тени, но оказался сухим и пыльным, а ящерица и жаба задумчиво склонились над разбитыми шариками.

Я поинтересовался судьбой библиотеки мистера Роско, состоявшей из редких иностранных книг, из многих из которых он черпал материалы для своих работ по истории Италии. Она ушла с молотка аукциониста и разошлась по всей стране. Добрые люди из окрестностей толпились, как грабители, чтобы заполучить какую-нибудь часть благородного судна, выброшенного на берег. Если бы подобная сцена не вызывала нелепых ассоциаций, мы могли бы вообразить нечто причудливое в этом странном вторжении в область знаний. Пигмеи рылись в оружейной гиганта и боролись за обладание оружием, которым они не были способны овладеть. Мы могли бы представить себе группу спекулянтов, с расчетливым видом обсуждающих причудливый переплет и подсвеченные поля какого-нибудь устаревшего автора; с видом напряженной, но озадаченной проницательности, с которой какой-нибудь удачливый покупатель пытался заключить выгодную сделку, написанную черными буквами, которую он заключил. Это прекрасный эпизод в истории несчастий мистера Роско, который не может не заинтересовать прилежный ум: расставание с его книгами, по-видимому, затронуло его самые нежные чувства и было единственным обстоятельством, которое могло привлечь внимание его музы. Только ученый знает, насколько дорогими становятся эти молчаливые, но красноречивые спутники чистых мыслей и невинных часов в период невзгод. Когда все мирское вокруг нас превращается в мусор, они сохраняют свою неизменную ценность. Когда друзья остывают, а общение близких превращается в скучную вежливость и банальность, это лишь сохраняет неизменным облик счастливых дней и ободряет нас той истинной дружбой, которая никогда не обманывала надежды и не оставляла печали.

Я не хочу никого осуждать, но, несомненно, если бы жители Ливерпуля должным образом осознавали, что причитается мистеру Роско и им самим, его библиотека никогда бы не была продана. Этому обстоятельству, несомненно, можно привести веские житейские доводы, с которыми было бы трудно бороться, если бы другие казались просто надуманными; но мне,

безусловно, представляется такая редкая возможность подбодрить благородный ум, борющийся с невзгодами, одним из самых деликатных, но и самых выразительных знаков внимания. общественного сочувствия. Однако трудно должным образом оценить гениального человека, который каждый день находится у нас на глазах. Он поневоле смешивается с другими людьми. Его великие качества теряют свою новизну; мы слишком хорошо знакомимся с общими чертами, которые составляют основу даже самого возвышенного характера. Первым это уловил великий Данте, который как-то в печали сказал, что близкое общение часто умаляет истинные достоинства человека. Уж ему бы не знать, как самонадеянное, наглое плебейство смотрит на штучный аристократизм избранничества.

Некоторые из горожан мистера Роско могут считать его просто деловым человеком, другие — политиком; все они считают, что он, как и они сами, занимается обычными делами и, возможно, превосходит их в некоторых вопросах житейской мудрости. Даже та дружелюбная и ненавязчивая простота характера, которая придает безымянной грации подлинное совершенство, может привести к тому, что некоторые грубые умы будут недооценивать его, не зная, что истинная ценность всегда лишена блеска и претенциозности.

Но литератор, рассказывающий о Ливерпуле, называет его резиденцией Роско. Интеллигентный путешественник, посещающий Ливерпуль, спрашивает, где можно увидеть Роско. Он является литературной достопримечательностью этого места, указывая на его существование далекому ученому.

Он похож на колонну Помпея в Александрии, возвышающуюся в одиночестве с классическим достоинством. Мы уже упоминали следующий сонет, адресованный мистером Роско своим книгам при расставании с ними. Если что-то и может усилить впечатление от чистых чувств и возвышенных мыслей, проявленных здесь, так это убежденность в том, что «Воз» — это не плод фантазии, а правдивая запись вопля сердца автора.

Как тот, кому суждено расстаться со своими друзьями, сожалеет о своей потере, но снова надеется на то, что когда-нибудь встреча повторится, чтобы разделить беседу с ними и насладиться их улыбкой,

И сдерживает, как может, стрелу несчастья; Итак, любимые соратники, руководители старшего искусства, Учителя мудрости, которые когда-то могли ввести в заблуждение Мои утомительные часы и облегчайте каждый тяжелый труд, Теперь я отказываюсь от вас; и не с легким сердцем; Пусть пройдет несколько коротких лет, или дней, или часов, И пусть наступят более счастливые времена года, И все ваше священное братство восстановится: Когда, освободившись от земли, вы обретете неограниченные силы. Разум должен поддерживать связь с разумом напрямую, И родственные души встречаются, чтобы больше не разлучаться.

МИДДЛТОН

Мне часто доводилось отмечать стойкость, с которой женщины переносят самые сокрушительные превратности и удары судьбы. Те несчастья, которые сокрушают дух мужчины и повергают его в прах, по-видимому, пробуждают всю энергию представительниц слабого пола и придают их характеру такое бесстрашие и возвышенность, что порой он приближается к истинному величию.

Ничто не может быть более трогательным, чем видеть мягкую и нежную женщину, которая была сама слабость и зависимость, и реагировала на каждую мелкую грубость, идя по благополучному жизненному пути, внезапно обретая душевную силу, чтобы быть утешителем и поддержкой своему мужу в несчастье, и сносит с непоколебимой стойкостью самые горькие удары судьбы. Как виноградная лоза, которая долго обвивала дуб своей изящной порослью и была поднята им к солнечному свету, когда удар молнии поразит это выносливое растение, обьется вокруг него своими нежными усиками и свяжет его сломанные ветви, так и Провидение прекрасно распорядилось этой женщиной, которая является всего лишь опорой и украше-

нием человека в его счастливые часы, должна быть его опорой и утешением, когда его постигает внезапное несчастье; чтобы проникать в суровые уголки его натуры, нежно поддерживать поникшую голову и перевязывать разбитое сердце.

Однажды я поздравлял друга, у которого была дружная семья, сплоченная крепчайшими узами брака.

«Я не могу пожелать тебе ничего лучшего, — сказал он с энтузиазмом, — чем иметь жену и детей. Если вы преуспеваете, то они готовы разделить ваше благополучие; если нет, то они будут готовы утешить вас».

И действительно, я заметил, что женатый мужчина, попавший в беду, более стоек и способен восстановить свое положение в мире, чем холостяк; отчасти потому, что его больше побуждают к труду нужды беспомощных и любимых существ, от которых зависит его существование, но главным образом потому, что домашние ласки успокаивают и поднимают ему настроение, а самоуважение поддерживается осознанием того, что, хотя вокруг царит мрак и унижение, все же есть и другие люди, а дома по-прежнему царит маленький мир любви, монархом которого он является. В то время как одинокий человек склонен к расточительству и пренебрежению к себе; он воображает себя одиноким и покинутым, а его сердце приходит в упадок, как какой-нибудь заброшенный особняк из-за отсутствия обитателя. Эти наблюдения заставляют вспомнить небольшую семейную историю, свидетелем которой я однажды был. Мой близкий друг Лесли женился на красивой и образованной девушке, которая выросла в центре светской жизни. У нее, правда, не было состояния, но у моего друга оно было достаточным, и он с удовольствием предвкушал, как будет потакать ей во всех изысканных занятиях и потакать тем утонченным вкусам и фантазиям, которые привносят в женский пол своего рода колдовство.

— Её жизнь расцветёт, — сказал он, — все будет как в сказке!

Само различие их характеров создавало гармоничное сочетание; он был романтиком и в чём-то серьёзным, а она — сама жизнь и радость. Я часто замечал, с каким немим восторгом он смотрел на неё в компании, восхищение которой вызывала ее жизнерадостность, и как в разгар аплодисментов ее взгляд все еще был обращен к нему, как будто только там она искала благосклонности и признания. Когда она опиралась на его руку, ее стройная фигура прекрасно контрастировала с его высокой мужественной фигурой. Нежный, доверчивый взгляд, с которым она смотрела на него снизу вверх, казалось, вызвал в нем прилив торжествующей гордости и заботливой нежности, как будто он души не чаял в своей прелестной ноши из-за ее полной беспомощности. Никогда еще пара не вступала на цветущий путь раннего и удачного брака с более радужными перспективами на счастье. Однако, к несчастью моего друга, он вложил свое состояние в крупную спекуляцию; и не прошло и нескольких месяцев после его женитьбы, как в результате череды внезапных бедствий оно было у него отнято, и он оказался почти в нищете. Некоторое время он скрывал свое состояние и ходил с изможденным лицом и разбитым сердцем. Его жизнь была сплошной агонией, и что делало её еще более невыносимой, так это необходимость улыбаться в присутствии жены, потому что он не мог заставить себя огорчить её этой новостью. Однако пронизательным взглядом, полным нежности, она заметила, что с ним не все в порядке. Она заметила, как изменился его взгляд и как он подавил вздохи, и её не обманули его болезненные и скучные попытки казаться весёлым. Она пустила в ход всю свою бодрость и нежные уговоры, чтобы вернуть ему счастье, но лишь глубже вонзила стрелу в его душу.

Чем больше он находил причин любить ее, тем мучительнее становилась мысль о том, что скоро сделает ее несчастной.

«Еще немного, — подумал он, — и улыбка исчезнет с этих щек, песня замёрзнет на этих губах, печаль погасит блеск этих глаз, а счастливое сердце, которое сейчас легко бьётся в этой груди, будет, как и мое, отягощено заботами и несчастьями всего мира.

Наконец, однажды он пришёл ко мне и рассказал обо всей своей ситуации тоном глубочайшего отчаяния. Выслушав его до конца, я спросил:

— А ваша жена знает обо всем этом?

На этот вопрос он разразился мучительнейшими слезами.

— Ради бога! — воскликнул он. — если у вас есть хоть капля жалости ко мне, не упоминайте о моей жене; мысль о ней доводит меня почти до безумия!

— А почему бы и нет? — сказал я. — Рано или поздно она все равно узнает: ты не сможешь долго скрывать это от неё, и известие может поразить её ещё больше, чем если бы ты сообщил его сам; ибо слова тех, кого мы любим, смягчают самые суровые вести. Кроме того, вы лишаете себя утешения в виде её сочувствия; и не только этого, но и подвергаете опасности единственную связь, которая может объединить сердца, — безоговорочную общность мыслей и чувств. Она скоро поймет, что что-то тайно завладевает вашим разумом, а настоящая любовь не терпит сдержанности; человек чувствует себя недооцененным и оскорбленным, когда от него скрывают даже печали тех, кого он любит!

— О, но, мой друг! Подумать только, какой удар я нанесу по всем её будущим перспективам, как я потрясу ее душу, сказав, что ее муж — нищий! что она должна отказаться от всех прелестей жизни, от всех удовольствий общества, чтобы вместе со мной прозябать в нищете и безвестности! Сказать ей, что я вырвал её из той сферы, в которой она могла бы продолжать блистать, быть предметом восхищения всех глаз и сердец! — Как она может выносить бедность? Она была воспитана в роскоши. Как она может выносить пренебрежение? Она была кумиром общества. О, это разобьет ей сердце, это разобьет ей сердце!»

Я видел, что его горе было красноречивым, и позволил ему выплеснуться наружу, потому что горе облегчается словами. Когда его приступ прошел и он снова погрузился в угрюмое молчание, я мягко вернулся к этой теме и попросил его немедленно рассказать о своей ситуации с женой. Он печально, но решительно покачал головой.

— Но как ты собираешься скрывать это от неё? Необходимо, чтобы она знала об этом, чтобы ты мог предпринять необходимые шаги для изменения своих обстоятельств. Ты должен изменить свой образ жизни... Нет, — я заметил как по его лицу пробежала боль, — пусть это тебя не огорчает. Я уверен, что ты никогда не выставлял свое счастье напоказ — у тебя все еще есть друзья, теплые друзья, которые не будут думать о тебе хуже из — за того, что ты живешь в менее роскошных апартаментах, и, конечно, не обязательно строить дворец, чтобы быть счастливым с Мэри...

— Я мог бы быть счастлив с ней, — судорожно воскликнул он, — в лачуге! Я мог бы опуститься с ней в нищету и прах! Я мог бы... я мог бы... Да благословит ее Господь! Да благословит ее Господь! — воскликнул он, охваченный горем и нежностью.

— И поверь мне, мой друг, — сказал я, подходя к нему и тепло пожимая ему руку, — поверь мне, с тобой она может быть такой же. Более того, для неё это будет источником гордости и триумфа — это пробудит всю скрытую энергию и горячую симпатию ее натуры, потому что она будет рада доказать, что любит вас таким, какой вы есть. В сердце каждой настоящей женщины есть искра небесного огня, которая дремлет средь бела дня процветания, но которая разгорается, сияет и полыхает вовсю в темные часы невзгод. Ни один мужчина не знает, что такое его любимая жена, ни один мужчина не знает, какой она ангел — хранитель, пока он не пройдет с ней через огненные испытания этого мира».

Было что-то такое в моей искренности и образном стиле речи, что поразило возбужденное воображение Лесли. Я знал аудитора, с которым мне приходилось иметь дело, и, руководствуясь произведённым впечатлением, в конце концов убедил его пойти домой и излить душу жене. Должен признаться, несмотря на всё, что я сказал, я испытывал некоторую тревогу за результат. Кто может рассчитывать на стойкость того, чья жизнь была полна удовольствий? Её веселый нрав мог взбунтоваться против внезапно открывшегося перед ней тёмного пути,

ведущего вниз, к низкому смирению, и мог привязаться к солнечным краям, в которых они до сих пор наслаждались жизнью. Кроме того, разруха в светской жизни сопровождается таким количеством неприятных ощущений, к которым в других кругах это не относится.

Короче говоря, на следующее утро я не мог без трепета встречаться с Лесли. Он рассказал всё.

— И как она это перенесла?

— Как ангел! Казалось, это принесло ей облегчение, потому что она обняла меня за шею и спросила, не только ли это в последнее время делало меня несчастным. Но, бедная девочка, — добавил он, — она не может представить, какие перемены нам предстоит пережить. Она не имеет представления о бедности, кроме как абстрактного; она читала о ней только в поэзии, где она связана с любовью. Она пока не испытывает лишений; она не страдает от потери привычных удобств и элегантности. Когда мы на практике столкнемся с грязными заботами нищеты, с ничтожными нуждами, мелкими унижениями — тогда и будет настоящее испытание!

— Но, — сказал я, — теперь, когда вы справились с самой трудной задачей — рассказать ей об этом, — чем скорее вы посвятите мир в эту тайну, тем лучше. Разоблачение может быть унижительным, но тогда это единичное страдание, которое скоро проходит, в то время как в остальном вы страдаете от него в ожидании каждый час в течение дня. Разоренного человека преследует не столько бедность, сколько притворство — борьба между гордым умом и пустым кошельком, поддержание пустого шоу, которому скоро придет конец. Имей мужество казаться бедным, и ты избавишь бедность от её острейшего жала! К этому вопросу Лесли был прекрасно подготовлен. Сам он не отличался ложной гордостью, а что касается его жены, то она всего лишь стремилась приспособиться к их изменившемуся положению.

Несколько дней спустя вечером он зашёл ко мне. Он продал свой дом и снял небольшой коттедж за городом, в нескольких милях от города. Весь день он был занят отправкой мебели. Для обустройства нового дома требовалось немного предметов, и притом самых простых. Вся роскошная мебель из его прежнего жилища была продана, за исключением арфы его жены, которая, по его словам, слишком тесно ассоциировалась с представлением о ней самой и была частью маленькой истории их любви; ибо одними из самых приятных моментов их ухаживаний были те, когда он склонялся над этим инструментом и слушал тающие звуки ее голоса. — Я не мог не улыбнуться этому проявлению романтической галантности со стороны влюбленного мужа.

Сейчас он направлялся в коттедж, где его жена весь день следила за его обустройством. Меня очень заинтересовал ход истории его семьи, и, поскольку вечер был прекрасный, я предложил составить ему компанию. Он был утомлен дневными хлопотами и, когда мы вышли, погрузился в мрачные размышления. Наконец с его губ сорвался тяжелый вздох: «Бедная Мэри!»

— А что с ней, — спросил я, — с ней что-нибудь случилось?

— Что, — сказал он, бросив на неё нетерпеливый взгляд, — разве это пустяк — быть низведенной до такого жалкого положения, быть запертой в жалкой хижине, быть вынужденной выполнять едва ли не чёрную работу в её жалком жилище? Жаловалась ли она на эту перемену?

— Жаловалась! Она всегда была такой милой и добродушной. На самом деле, она, кажется, в лучшем расположении духа, чем я когда-либо её знал; она была для меня воплощением любви, нежности и утешения!

— Восхитительная девушка! — воскликнул я. — Вы называете себя бедным, мой друг, но вы никогда не были так богаты, вы никогда не знали, какими безграничными сокровищами совершенства обладала эта женщина.

— Ой! Но, друг мой, если бы эта первая встреча в коттедже закончилась, я думаю, мне было бы тогда комфортно. Но это её первый день настоящего опыта; она попала в скромное

жилище, — она весь день занималась приведением в порядок его убогого убранства, — она впервые познала тяготы домашней работы, — она впервые огляделась вокруг. в доме, лишенном всего элегантного — почти всего удобного; и, возможно, сейчас она сидит, измученный и подавленный, размышляя о перспективе будущей бедности.

В этой картине была определенная степень вероятности, которую я не мог отрицать, поэтому дальше мы шли молча. Свернув с главной дороги на узкую улочку, так густо затененную лесными деревьями, что это создавало ощущение полного уединения, мы увидели коттедж. Он был достаточно скромным на вид для самого пасторального поэта, и все же у него был приятный сельский вид. Дикая лоза обвила один из углов обильной листвой; несколько деревьев изящно простирали над ним свои ветви; и я заметил несколько горшков с цветами, со вкусом расставленных у двери и на лужайке перед домом. Маленькая калитка открывалась на тропинку, которая вилась среди кустарника к двери. Как только мы приблизились, до нас донеслись звуки музыки — Лесли схватила меня за руку; мы остановились и прислушались. Это был голос Мэри, поющей в трогательной простоте, в стиле той лёгкой арии, которую особенно любил её муж. Я почувствовал, как дрогнула рука Лесли на моем плече. Он шагнул вперед, чтобы лучше слышать. Его шаги по гравийной дорожке производили шум. Сияющее красивое лицо выглянуло из окна и исчезло, послышались лёгкие шаги, и Мэри, спотыкаясь, вышла нам навстречу. На ней было красивое белое деревенское платье; в её прекрасных волосах было вплетено несколько полевых цветов; на щеках у неё светился свежий румянец; все её лицо сияло улыбкой — я никогда не видел ее такой прекрасной.

— Мой дорогой Джордж, — воскликнула она, — я так рада, что ты пришёл; я все ждала и ждала тебя, и бегала по дорожке, и высматривала тебя. Я накрыла стол под красивым деревом за коттеджем; и я собрала самую вкусную клубнику, потому что знаю, что ты её любишь, и у нас такие отличные сливки, и все здесь такое сладкое и нежное — о!» — сказала она, взяв его под руку и, сияя, посмотрела ему в лицо: «О, мы будем так счастливы!»

Бедняжка Лесли был потрясён.

Он прижал ее к своей груди, — он обхватил ее руками, — он целовал ее снова и снова, — он не мог вымолвить ни слова, но слезы навернулись ему на глаза; и он часто уверял меня, что, хотя с тех пор мир стал для него благополучным оазисом, а его жизнь, действительно пошла в гору, он был счастлив, но никогда еще не испытывал более изысканного и неповторимого блаженства.

Рип Ван Винкль Посмертное Произведение Дидриха КникерЪ-Бокера

*Один, бог саксов придёт,
И шипеть будет гусь,
И засмеётся Светило,
В тот прекрасный день,
Когда я прокрадусь
В мою могилу!*
Старое Стихотворение

СЛЕДУЮЩАЯ история была найдена в бумагах покойного Дидриха КникерЪ-Бокера, пожилого джентльмена из Нью-Йорка, который проявлял большой интерес к голландской истории провинции и нравам потомков её первобытных поселенцев. Однако его исторические изыскания были связаны не столько с книгами, сколько с людьми, ибо первые, к сожалению, скудны на его любимые темы; в то время как старые бюргеры, а еще больше их жены, были богаты этими легендарными знаниями, столь бесценными для подлинной истории. Поэтому всякий раз, когда ему случалось наткнуться на настоящую голландскую семью, уютно устроившуюся в своем фермерском доме с низкой крышей под раскидистым платаном, он смотрел на неё как на маленький томик, исписанный чёрными буквами, и изучал его с усердием книжного червя.

Результатом всех этих исследований стала история провинции во времена правления голландских губернаторов, которую он опубликовал несколько лет назад. Были разные мнения относительно литературного характера его работы, и, по правде говоря, она ничуть не лучше, чем должна и могла бы быть.

Её главным достоинством является скрупулёзная точность, которая действительно вызвала некоторые сомнения при её первом появлении, но с тех пор была полностью подтверждена; и теперь она включена во все исторические сборники как книга неоспоримого исторического авторитета.

Старый джентльмен скончался вскоре после публикации своей работы; и теперь, когда он уже умер, его памяти не повредит, если я скажу, что его время можно было бы потратить гораздо лучше на более серьезные труды. Однако он был склонен поступать в соответствии со своим излюбленным хобби по-своему; и хотя это время от времени немного роняло пыль в глазах его соседей и огорчало некоторых его друзей, к которым он испытывал искреннее уважение и привязанность, всё же его ошибки и безрассудства вспоминали «скорее в печали, чем в гневе», и возникает подозрение, что своими трудами он никогда не намеревался никого ранить или оскорбить. Но как бы ни ценили его критики, память о нём по-прежнему дорога многим людям, чье доброе мнение чего-либо стоит; особенно некоторым кондитерам, которые зашли так далеко, что запечатлели его портрет на своих новогодних тортах и, таким образом, дали ему шанс на бессмертие, почти равный изображению на медали Ватерлоо или фартинге королевы Анны.

ТОТ, кто когда-либо поднимался вверх по Гудзону, наверняка помнит отроги знаменитых Каатскильских гор. Они представляют собой разрозненную ветвь великой горной семьи

Аппалачей, и их можно увидеть далеко к западу от реки, где они вздымаются на величественную высоту и господствуют над окружающей местностью. Каждая смена времён года, каждая перемена погоды, более того, каждый час дня приводят к тончайшим изменениям в волшебных оттенках и очертаниях этих гор; и все добрые жены, далекие и близкие, считают их идеальными барометрами.

Когда погода ясная и устойчивая, они окрашены в синий и пурпурный цвета и выделяются своими четкими очертаниями на ясном вечернем небе; но иногда, когда остальная часть пейзажа безоблачна, они окутывают свои вершины серым туманом, которые в последних лучах заходящего Солнца солнце начинают сиять и озаряться светом, как венец славы.

У подножия этих сказочных гор путешественник, возможно, заметил легкий дымок, поднимающийся над деревней, чьи крытые дранкой крыши поблескивают среди низких куп деревьев, как раз там, где голубые оттенки горной местности переходят в свежую зелень ближайшего пейзажа. Это очень древняя деревушка, основанная кем-то из голландских колонистов на заре истории провинции, как раз в начале правления доброго Питера Стайвесанта (да покоится он с миром!), и здесь стояло несколько домов первых поселенцев. Через несколько лет после заселения посёлок весь был застроен домиками из мелкого жёлтого кирпича, привезённого из Голландии, с решетчатыми окнами и двускатными фасадами, увенчанными флюгерами.

В этой самой деревне и в одном из этих самых домов (который, по правде говоря, был, к сожалению, сильно потрепан временем и непогодой) много лет назад, когда страна ещё была провинцией Великобритании, жил простой, добродушный парень по имени Рип Ван Винкль. Он был потомком Ван Винклсов, которые так доблестно сражались в рыцарские дни Питера Стайвесанта и сопровождали его при осаде форта Кристина. Однако сам он унаследовал лишь малую толику воинственного духа своих предков. Я заметил, что он был простым, добродушным человеком; более того, он был добрым соседом и послушным мужем-подкаблучником. На самом деле, именно последнему обстоятельству можно было бы приписать ту кротость духа, которая снискала ему такую всеобщую популярность, ибо те люди, дома которых находятся под строгой дисциплиной их строптивниц, за границей склонны быть подобострастными и сговорчивыми. Их нрав, несомненно, становится податливым, как воск, в огненном горниле семейных невзгод и передраг, и предварительная лекция стоит всех проповедей в мире, которые учат добродетелям терпения и долготерпения.

Таким образом, взбалмошная жена в некоторых отношениях может считаться сносным благословением, и если это так, то Рип Ван Винкль был трижды благословлен.

Несомненно, что он был большим любимцем всех добропорядочных жён своей деревни, которые, как обычно у представительниц прекрасного пола, принимали его участие во всех семейных ссорах и никогда не упускали случая, когда бы они ни обсуждали эти вопросы в своих вечерних беседах, свалить всю вину на госпожу Ван Винкль.

Деревенские дети тоже кричали от радости всякий раз, когда он приближался и они видели его сутулую фигуру. Он помогал им заниматься спортом, мастерил игрушки, учил запускать морские кораблики, воздушных змеев и стрелять шариками, а также рассказывал длинные истории о привидениях, ведьмах и свирепых индейцах.

Всякий раз, когда он отправлялся бродить по деревне, его окружала целая стая брехливых собак, которые цеплялись за его юбки, карабкались ему на спину и безнаказанно проделывали с ним тысячи трюков; и ни одна собака не залаяла на него во всей округе.

Главной ошибкой во внутренней политике Рипа было непреодолимое отвращение ко всем видам общественно-полезного труда и прибыльной деятельности.

Это не могло быть и не было вызвано недостатком усердия или настойчивости, потому что при своём отвращении к подённости он мог сидеть на мокром камне с удилищем, длинным и тяжелым, как татарское копьё, и целый день безропотно удить рыбу, хотя ни одна поклевка не поощряла его энтузиазм.

Он часами бродил с охотничьим ружьем на плече по лесам и болотам, поднимался на холмы и спускался в долины, чтобы подстрелить несколько белок или диких голубей. Он никогда не отказывался помочь соседу даже в самом тяжелом труде и был первым человеком на всех деревенских праздниках по чистке индийской кукурузы или постройке каменных общественных заборов; деревенские женщины тоже нанимали его для выполнения своих поручений и других мелких работ, которые они изредка затевали, не надеясь на услужливость своих мужей.

Одним словом, Рип был готов заниматься чьими угодно чужими делами, только не своими собственными; но что касается выполнения семейных обязанностей и поддержания порядка на ферме, то он вообще считал это невозможным. На самом деле он заявил, что работать на его ферме бесполезно; это был самый зловонный клочок земли во всей стране; все здесь шло наперекосяк, несмотря на все молитвы и поползновения.

Его изгороди постоянно разваливались; его корова то сбивалась с пути, то забредала в кочаны капусты и топтала их безбожно; сорняки на его полях росли быстрее, чем где-либо ещё; дождь всегда начинался, когда Рипу только приходило в голову, что нужно было бы немного поработать на открытом воздухе; так что, хотя его родовое поместье под его управлением сокращалось акр за акром, пока от него не осталось ничего, кроме грядки индийской кукурузы и картофеля, все же она оставалась самой запущенной фермой в округе. Его дети тоже были такими оборванными и дикими, как будто они никому не принадлежали, кроме Отца Святого. Его сын Рип, мальчишка, рождённый по своему подобию, обещал унаследовать все лучшие привычки своего отца вместе со старой одеждой, трубкой и клюкой. Обычно его видели скачущим, как жеребёнок, по полю, он мчался по пятам за матерью, облаченный в пару старых отцовских галифе, которые он с большим трудом придерживал одной рукой, как изысканная леди придерживает свой шлейф в плохую погоду.

Рип Ван Винкль, однако, был одним из тех счастливых смертных, глупых, уравновешенных людей, которые относятся к миру легко, неважно, едят ли они белый хлеб или черный, в зависимости от того, что можно достать с наименьшими усилиями, и скорее умрут с голоду, работая за пенни, чем согласившись работать за фунт.

Если бы его предоставили самому себе, он бы прожил жизнь в полном довольстве, но его жена постоянно пилила его, твердила ему о его праздности, беспечности и разорении, которое он навлекает на свою семью. Утром, днем и вечером её язык был на пределе, и всё, что он говорил или делал, непременно вызывало бурю красноречия в доме.

У Рипа был только один способ отвечать на все подобные нотации, и при частом использовании он превратился в привычку.

Он пожимал плечами, покачивал головой, поднимал глаза к всевидящему и всеслышащему небу, но ничего не говорил. Это молчание, однако, всегда вызывало новый выпад со стороны его жены, так что он был вынужден собирать все свои силы и сразу уматывать за пределы дома, на выгон — единственную часть имения бедняка, которая, по правде говоря, полноценно принадлежит мужу-подкаблучнику.

Единственным домашним любимцем Рипа был его верный пёс Волк, который был таким же подкаблучником, как и его хозяин, поскольку госпожа Ван Винкль считала их товарищами по праздности и на Волка смотрела даже более недоброжелательно, чем на его хозяина, усматривая в бедной псине причину того, что его хозяин так часто сбивался с пути истинного. Это правда, что во всех отношениях, свойственных благородному псу, он был таким же отважным животным, как и все, кто когда — либо рыскал по лесам, — но какое мужество может противостоять злобному и всепоглощающему ужасу полыхающего женского языка?

Как только Волк входил в дом, его хохолок опускался, хвост опускался до земли или сворачивался между ног, он крался с видом висельника, чудом избежавшего петли, бросая множество косых взглядов на госпожу Ван Винкль, и при малейшем взмахе метлы или половника он с визгом устремлялся к двери.

С годами супружества времена для Рипа Ван Винкля становились все хуже и хуже; язвительный нрав самки с возрастом не смягчается, а острый язычок — единственное острое оружие, которое становится острее при постоянном использовании.

Долгое время, когда его выгоняли из дома, он утешал себя посещением своего рода постоянного клуба мудрецов, философов и прочих праздношатающихся жителей деревни, который проводил свои заседания на скамейке перед маленькой гостиницей, украшенной алым портретом Его Величества Георга Третьего. Здесь, на этих каждодневных сельских посиделках они обычно коротали длинные, ленивые летние дни в тени, вяло переки дываясь деревенскими сплетнями или рассказывая бесконечные сонные истории ни о чём. Но меж тем любому государственному деятелю самого высшего ранга стоило бы потратить деньги на то, чтобы послушать глубокие дискуссии, которые иногда происходили, когда случайно какая-нибудь старая газета попадала к ним в руки от проезжавшего мимо путешественника. С каким торжественным видом они разворачивали хрустящие бумажные паруса и оглашали содержание, растягивая слова, которые произносил Деррик Ван Буммель, школьный учитель, шеголеватый ученый человечек, которого не пугало самое гигантское слово в словаре; и как мудро они рассуждали о публичных мероприятиях через несколько месяцев после того, как они состоялись. Мнения этой тайной сельской хунты полностью контролировались Николасом Веддером, патриархом деревни и хозяином полуразвалившейся гостиницы, у дверей которой он сидел с утра до вечера, двигаясь ровно настолько, чтобы не попадать на Солнце и держаться в тени большого дерева, так что соседи могли слышать его. Мы могли бы возвестить о его главном таланте — он мог определить час по движениям Солнца на небе так же точно, как Египетский жрец по солнечным часам.

Правда, выступал он редко, но постоянно курил свою трубку. Однако его сторонники (ибо у каждого великого человека есть свои сторонники) прекрасно понимали его и знали, как составить и вочереднойраз поддержать его мнение. Когда что-либо из прочитанного или рассказанного вызывало у него неудовольствие, он, как было замечено, яростно курил свою трубку и делал частые и сердитые затяжки; но когда ему было приятно, он медленно и спокойно затягивался дымом и выпускал его лёгкими и безмятежными облачками, а иногда, вынимая трубку из кармана, курил медленно и сердито, открывая рот и, вдыхая ароматный пар, окутывающий его нос, и тогда серьёзно кивал головой в знак полного одобрения.

Но даже из этой твердыни свободы злосчастный Рип был в конце концов изгнан своей взбалмошной женой, которая порой внезапно нарушала спокойствие собрания и призывала всех его членов к действию; и даже эта августейшая особа, сам Николас Веддер, не был защищен от дерзкого языка этой ужасной мегеры, которая прямо набрасывалась на него, обвиняя, что это он поощряет её мужа к привычке бездельничать.

Бедный Рип в конце концов был доведён почти до отчаяния, и ему оставалось только одно средство — сбежать от работы на ферме и криков жены — взять в руки ружьё и уйти в лес.

Здесь он иногда усаживался у подножия дерева и делился содержимым своего кошелька с Вольфом, которому сочувствовал, как товарищу по несчастью.

— Бедный Волк, — говорил он, — твоя хозяйка ведёт с тобой собачью жизнь; но не бери в голову, мой мальчик, пока я жив, ты никогда не захочешь ничего, кроме того, чтобы рядом с тобой был друг!

Волк, улавливая направление мысли хозяина, вилял хвостом, с тоской глядя ему в лицо, и если собаки способны испытывать жалость, я искренне верю, что он отвечал на чувство Рипа всем сердцем.

Во время одной такой долгой прогулки погожим осенним днём Рип неосознанно взобрался на одну из самых высоких вершин Каатскиллских гор. Он занимался своим любимым видом спорта — стрельбой по белкам, и тихие безлюдные просторы снова и снова оглашались звуками выстрелов из его ружья. Запыхавшийся и усталый, ближе к вечеру он опустился

на зелёный холм, поросший горной травой, который венчает обрыв. Из просвета между деревьями он мог обозревать всю низину на многие мили, покрытую густым лесом. Он видел вдалеке величественный Гудзон, далеко-далеко внизу, плывущий своим тихим, но величественным курсом, и в нём отражались пурпурные облака или паруса отставшего баркаса, которые то тут, то там ложились спать на его спокойной зеркальной поверхности и, наконец, терялись в голубых горах. С другой стороны он увидел глубокую горную долину, дикую, уединенную и изрезанную лощинами, дно которых было усеяно обломками нависающих скал и едва освещалось отраженными лучами заходящего Солнца. Некоторое время Рип лежал, размышляя об этой представшей его взору картине; постепенно сгущался вечер; горы начали отбрасывать длинные синие тени на долины; он понял, что стемнеет задолго до того, как он доберётся до деревни; и он тяжело вздохнул, подумав о том, что ему предстоит вынести, столкнувшись с ужасами госпожи Ван Винкль.

Уже собираясь спускаться, он услышал издалика крик:

«Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!»

Он огляделся, но не увидел ничего, кроме вороны, которая в одиночестве летела над горой. Он подумал, что воображение, должно быть, обмануло его, и снова повернулся, чтобы продолжить спускаться, как вдруг услышал тот же крик, разнесшийся в тихом вечернем воздухе:

«Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!»

В то же мгновение Волк ошетинился и, тихо зарывав, подкрался к своему хозяину, уткнувшись зодом в его сапоги, испуганно глядя вниз, в долину. Рип почувствовал, как его охватывает смутная, непонятная опаска; он с тревогой посмотрел в том же направлении, что и Волк, и увидел странную фигуру, медленно взбирающуюся по камням и сгибающуюся под тяжестью чего-то, что этот тип нёс на спине.

Что спорить, он был удивлён, увидев медленно ковыляющего человека в этом уединённом и малолюдном месте, но, предположив, что это кто-то из соседей, нуждающийся в его помощи, он радостно поспешил вниз, чтобы оказать её.

Подойдя поближе, он еще больше удивился необычной внешности незнакомца. Это был невысокий, коренастый старик с густыми-прегустыми волосами и длинной седеющей бородой. Одет ходок был по старинной голландской моде — матерчатая куртка, стянутая вокруг талии, несколько пар бриджей, верхняя часть которых была достаточно объемной, и украшена рядами пуговиц по бокам и завязками на коленях. Он нёс на плечах крепкий, довольно новый бочонок, который, казалось, был полон спиртного, и делал знаки Рипу подойти и помочь ему с грузом. Хотя Рип был несколько застенчив и не доверял своему новому знакомому, он подчинился со своей обычной добродушной готовностью; и так, взаимно подменяя друг друга, они вскарабкались по узкому оврагу, который, по-видимому, был сухим руслом древнего горного потока.

Пока они поднимались, Рип время от времени слышал протяжные раскаты, похожие на отдаленный гром, которые, казалось, доносились из глубокого ущелья или, скорее, расщелины между высокими скалами, к которым вела их труднопроходимая тропа. Он на мгновение умолк, но, предположив, что это грохот одной из тех кратковременных гроз, которые часто бывают на горных высотах, сопровождаясь сильными ливнями, продолжил идти.

Пройдя через овраг, они оказались в ложбине, похожей на небольшой амфитеатр, окружённый со всех сторон отвесными обрывами, над краями которых нависали ветви деревьев, так что можно было лишь мельком увидеть лазурное небо и яркие вечерние облака. Всё это время Рип и его спутник трудились в молчании, ибо, хотя Рип очень удивлялся, зачем его спутнику понадобилось тащить бочонок спиртного в эту дику гор, и испытывая нарастающее чувство, что все же во всем этом неизвестном, что внушало благоговейный трепет и оставляло знакомство путешествия, было что-то странное и непостижимое.

При входе в амфитеатр перед зрителями предстали новые удивительные объекты. На ровном месте в центре зала компания весьма странного вида персонажей играла в кегли. Они были одеты в причудливую диковинную одежду: на некоторых были короткие зелёные камзолы, на других — какие-то нелепые безрукавки, за поясами висели длинные ножи, и на большинстве из плясунов были огромные штаны, по фасону похожие на те, что были на проводнике.

Лица у них тоже были необычные те ещё личины, надо признать: у одного была большая голова, широкое лицо и маленькие пороссячи глазки; лицо другого, казалось, целиком состояло из носа и было увенчано белой шляпой в форме сахарной головы, украшенной маленьким красным петушиным хохолком. У всех были бороды, разных форм, фасонов и цветов. Один из них, похоже, был командиром этой разношёрстной гоп-компании.

Это был полный пожилой джентльмен с обветренным лицом; на нем был камзол со шнуровкой, широкий пояс и вешалка, шляпа с высокой тульёй и пером, красные чулки и туфли на высоких каблуках, украшенные розами. Вся эта компания напомнила Рипу фигуры на старинной фламандской картине, висевшей в гостиной деревенского священника Домини Ван Шайка и привезенной из Голландии ещё во времена поселения. Что показалось Рипу особенно странным, так это то, что, хотя эти люди явно развлекались, они сохраняли самые серьёзные лица, самое таинственное молчание и в то же время были самой меланхоличной компанией, которую он когда-либо видел.

Ничто не нарушало тишины этой сцены, кроме шума мячей, который, когда бы они ни катились, отдаваясь эхом в горах, подобно раскатам грома.

Когда Рип и его спутник приблизились к ним, они внезапно прекратили свою игру и уставились на него таким неподвижным, как у статуй, взглядом и с такими странными, неотёсанными, тусклыми лицами, что у него внутри всё перевернулось и ухнуло куда-то, а колени поневоле и вопреки его желанию сразу же подогнулись. Его спутник перелил содержимое бочонка в большие графины и сделал ему знак прислуживать компании.

Рип повиновался со страхом и трепетом; они выпили вино в глубоком молчании, а затем вернулись к своей игре. Постепенно благоговение и опасения Рипа улеглись. Он даже рискнул, когда никто не смотрел на него, попробовать напиток, который, как он обнаружил, во многом напоминал по вкусу превосходный голландский джин.

От природы его давно мучила жажда, и вскоре у него возникло искушение сделать ещё глоток. Один глоток вызвал другой, и он так часто прикладывался к бутылке, что в конце концов его чувства были подавлены, картины пред его глазами мешались и мелькали, потом всё и вовсе поплыло, голова постепенно закружилась, и он погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, он обнаружил, что стоит на зелёном холме, с которого он впервые увидел старика из долины.

Он протёр глаза — было ясное солнечное утро. Птицы прыгали и щебетали в кустах, а орел кружил в вышине, вдыхая чистый горный ветерок.

«Конечно, — подумал Рип, — я не спал здесь всю ночь».

Он вспомнил всё, что произошло, прежде чем заснуть. Странный человек с бочонком спиртного — горное ущелье — дикое убежище среди скал — неудачная вечеринка в «найн-пинз» — бутылка — «О! та самая бутылка! Эта мерзкая бутылка! — подумал Рип. — Как же мне оправдаться перед моей незабвенной мадамушкой Ван Винкль?»

Он огляделся в поисках своего ружья, но вместо чистого, хорошо смазанного охотничьего ружья обнаружил лежащий рядом старый охотничий мушкет, ствол которого был сплошь ржавчиной, замок отвалился, а приклад был как нарочно напрочь изъеден червями. Теперь он подозревал, что мрачные разбойники с гор решили подшутить над ним и, напоив спиртным, отняли у него ружье.

Волк тоже исчез, но, возможно, он отправился в погоню за какой-нибудь ушлой белкой или куропаткой. Он посвистел ему вслед и звал его по имени, но всё было напрасно; эхо только

покорно повторяло его свист и крики, но собаки нигде не было видно. Он решил ещё раз посетить место вчерашней гулянки и, если встретит кого-нибудь из компании, потребовать свою собаку и ружье.

Когда он поднялся, чтобы пройтись, то почувствовал, что у него затекли суставы и не хватает сил на обычную деятельность.

«Эти горные постели мне не по вкусу, — подумал Рип, — и если из-за этой шалости я свалюсь с приступом ревматизма, то прекрасно проведу время с дамой Ван Винкль».

С некоторым трудом он спустился в долину и нашёл овраг, по которому они со своим спутником поднимались накануне вечером; но, к его изумлению, теперь по ней, пенясь, бежал горный ручей, перепрыгивая с камня на камень и наполняя долину весёлым, музыкальным журчанием. Он, однако, пытался карабкаться по её склонам, с трудом продираясь сквозь заросли берёзы, сассафраса и гамамелиса; иногда он спотыкался или запутывался в лозах дикого винограда, которые, переплетаясь кольцами и усиками с дерева на дерево, расстилали на его пути нечто вроде непроходимых сетей.

Наконец он добрался до того места, где ущелье выходило сквозь скалы к амфитеатру, но никаких следов этого отверстия не осталось. Скалы представляли собой высокую непроницаемую стену, через которую поток обрушивался в виде перьев пены и падал в широкую глубокую впадину, чёрную от теней окружающего леса.

Здесь бедняга Рип был остановлен. Он снова позвал и свистнул свою собаку, «Волк! Волк!», ответом ему было только карканье стаи праздных ворон, резвившихся высоко в воздухе вокруг сухого дерева, нависшего над залитым Солнцем обрывом. Эти вороны, уверенные в своем возвышении, казалось, смотрели на него сверху вниз и насмехались над растерянностью бедняги. Что же было делать? Утро подходило к концу, и Рип почувствовал, что умирает с голоду, так как завтракать ему было нечем. Ему было жаль расставаться со своей собакой и ружьем, он боялся встречи с женой, но голодать в горах не годилось. Он покачал головой, взвалил на плечо ржавое ружье и с сердцем, полным тревоги, направился домой.

Приближаясь к деревне, он встретил множество людей, но ни одного из них он не знал, что несколько удивило его, поскольку он думал, что знаком со всеми в округе. Их одежда тоже отличалась от той, к которой он привык.

Все они уставились на него с одинаковым удивлением и всякий раз, когда поднимали на него глаза, неизменно поглаживали подбородки. Постоянное повторение этого жеста заставило Рипа невольно сделать то же самое, когда, к своему изумлению, он обнаружил, что его борода выросла на целый фут в длину!

Он уже добрался до окраины деревни. Стайка незнакомых ребятишек бежала за ним по пятам, улюлюкая и показывая на его седую бороду. Собаки, в которых он не узнал ни одной старой знакомой, тоже залаяли на него всей своей кодлой, когда он проходил мимо.

Сама деревня изменилась: она стала больше и многочисленнее. Появились ряды домов, которых он никогда раньше не видел, а те, что были ему привычны, исчезли. На дверях висели странные названия, в окнах виднелись странные лица — всё было странным.

Теперь его разум внушал ему одни опасения; он начал сомневаться, не заколдованы ли и он сам, и окружающий его мир.

Несомненно, это была его родная деревня, ддеревня, которую он покинул всего за день до этого. Вот там возвышались горы Каатскилл, там, вдалеке, протекал серебристый Гудзон, там все холмы и долины были в точности такими, какими были всегда, — и меж тем Рип был крайне озадачен, — «Эта бутылка прошлой ночью, — подумал он, — сильно помutilа мою бедную голову!»

С некоторым трудом он нашёл дорогу к своему собственному дому, к которому приближался с молчаливым благоговением, каждую минуту ожидая услышать пронзительный голос забывенной госпожи Ван Винкль. Он обнаружил, что дом пришёл в упадок — крыша прова-

лилась, окна выбиты, а двери сорваны с петель. Около него бродил полуголодный пес, похожий на волка. Рип окликнул его по имени, но пес зарычал, оскалил зубы и прошёл мимо. Это была действительно жестокая шутка — «Мой пес, — вздохнул бедный Рип, — забыл меня!»

Он вошел в дом, который, по правде говоря, госпожа Ван Винкль всегда содержала в идеальном порядке. Дом был пуст, заброшен и, по-видимому, полностью покинут.

Это одиночество пересилило все его супружеские страхи — он громко позвал жену и детей — одинокие покои на мгновение огласились его голосом, а затем снова воцарилась тишина.

Теперь он поспешил вперёд и устремился к своему старому пристанищу, деревенской гостинице, но и её там не было. На месте гостиницы стояло большое покосившееся деревянное здание с огромными зияющими окнами, некоторые из которых были разбиты и заштопаны старыми шляпами и нижними юбками, а над дверью было написано краской: «Отель „Юнион“, хозяин Джонатан Дулиттл». Вместо огромного дерева, под которым в былые времена стояла тихая маленькая голландская гостиница, теперь возвышался высокий голый столб с чем — то похожим на красный ночной колпак на верхушке, а на нем развевался флаг, на котором было необычное сочетание звёзд и матрасных полос — все это было прекрасно, странно и непостижимо.

Однако он узнал на вывеске рубиновое изображение короля Георга, под которым он столько раз мирно раскуривал трубку, но даже оно претерпело необычайную метаморфозу. Красный мундир короля был заменён на сине-жёлтый, в руке вместо скипетра был зажат меч, голову украшала покосившаяся треуголка, а под ней крупными буквами было написано: «ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН».

У входа, как обычно, толпился народ, но Рип никого из них не помнил. Сам характер людей, казалось, изменился. Вместо привычной флегмы и дремотного спокойствия здесь царили оживленный, суматошный, спорящий тон. Напрасно он искал мудреца Николаса Веддера с его широким лицом, двойным подбородком и красивой длинной трубкой, извергающей клубы табачного дыма вместо праздных речей, или школьного учителя Ван Буммеля, скупно излагающего содержание старой газеты. Вместо них худощавый, желчного вида парень с карманами, полными рекламных листовок, яростно разглагольствовал о правах граждан, выборах, членах Конгресса, свободе, Банкерз-хилле, героях семьдесят шестого и других словах, которые для сбитых с толку людей были совершенным вавилонским жаргоном времён столпотворения и смешения языков, к которой Ван Винкль совершенно не стремился. Внешность Рипа, с его длинной седеющей бородой, ржавым охотничьим ружьем, грубой одеждой и армией женщин и детей, следовавших за ним по пятам, вскоре привлекла внимание политиков в тавернах. Они столпились вокруг него, с большим любопытством оглядывая его с головы до ног. Оратор поспешно подошёл к нему и, отведя его в сторону, спросил:

«За кого ты голосовал?»

Рип уставился на него с отсутствующим видом. Другой невысокий, но деловитый паренёк потянул его за руку и, привстав на цыпочки, спросил на ухо, «Федералист он или демократ». Рип тоже не мог понять вопроса; когда знающий, преисполненный чувства собственного достоинства пожилой джентльмен в остроконечной треуголке пробирался сквозь толпу, расталкивая её локтями направо и налево, и останавливался перед Ван Винклем, подбоченясь одной рукой, а другой опираясь на трость, его проницательные глаза и острая шляпа, проникая, так сказать, в самую его душу, суровым тоном поинтересовался:

«Что привело вас на выборы с ружьем на плече и толпой, преследующей вас по пятам; и не намеревались ли вы поднять бунт в деревне?»

— Увы! Джентльмены, — воскликнул несколько обескураженный Рип, — я бедный, тихий человек, уроженец этих мест и верный подданный короля, да благословит его Господь!

Тут со стороны прохожих раздался общий крик: «Тори! Тори! Шпион! Беженец проклятый! Гоните его взашей! Долой его!»

С большим трудом важный человек в треуголке восстановил порядок и, приняв десятикратно суровый вид снова потребовал от неизвестного преступника ответа, зачем он сюда пришёл и чего тут рыщет. Бедняга смиренно заверил его, что не хотел никого обидеть, а просто пришёл сюда в поисках кого-нибудь из своих соседей, которые обычно проводили время в таверне.

— Ну, и кто они такие? — назовите их!

Рип на мгновение задумался и спросил, где Николас Веддер?

На некоторое время воцарилась тишина, затем какой-то старик ответил тонким, писклявым голосом: «Николас Веддер? Да ведь он умер восемнадцать лет назад! На церковном дворе было деревянное надгробие, которое когда-то рассказывало о нем, но оно сгнило и тоже исчезло».

— Где Бром Датчер?

— О, он ушёл в армию в начале войны; некоторые говорят, что он погиб при штурме Стоуни — Пойнта, другие говорят, что он утонул во время шквала у подножия носа Энтони. Я не знаю — он больше не вернулся.

— Где Ван Буммель, школьный учитель?

— Он тоже участвовал в войнах, был великим генералом ополчения, а теперь заседает в Конгрессе.

Сердце Рипа замерло, когда он услышал об этих печальных переменах в своем доме и друзьях и почувствовал, что теперь он один в этом мире. Каждый ответ тоже ставил его в тупик, поскольку говорил о таких огромных промежутках времени и о вещах, которых он не мог понять: война — Конгресс — Стоуни-Пойнт; у него не хватило смелости спросить о других друзьях, и он в отчаянии воскликнул:»

— Неужели здесь никто не знает Рипа Ван Винкля?»

— О, Рип Ван Винкль! — воскликнули двое или трое бродяг, — Да, конечно! Вон там, прислонившись к дереву, стоит Рип Ван Винкль».

Рип оглянулся и увидел точную копию самого себя, поднимавшегося на гору; очевидно, такого же ленивого и, несомненно, такого же оборванного.

Бедняга был совершенно сбит с толку. Теперь он сомневался в том, кто он такой и кем был на самом деле — самим собой или другим человеком. В разгар его замешательства человек в треуголке спросил, кто он такой и как его зовут.»

— Бог свидетель! — воскликнул он в отчаянии, — Я или не я — я или кто-то другой — это я вон там — нет — это кто-то другой, оказавшийся на моем месте! Прошлой ночью я был самим собой, но я заснул на горе, и они изменили моё мнение, потому... пистолет, и все изменилось, и я сам изменился, и я не могу сказать, как меня зовут и кто я такой!»

Прохожие начали переглядываться, кивать, многозначительно подмигивать и постукивать пальцами по лбу. Поговаривали также о том, чтобы завладеть ружьем и удержать старика от дурных поступков; при одном только намеке на это важный человек в треуголке довольно поспешно удалился. В этот критический момент свежая, миловидная женщина протиснулась сквозь толпу, чтобы взглянуть на седобородого мужчину. На руках у нее был пухлый ребенок, который, испугавшись его вида, заплакал.

— Тише, Рип, — крикнула она, — тише, дурачок! Старик не причинит тебе вреда!

Имя ребенка, манера держаться матери, тон её голоса — все это пробудило в его сознании череду воспоминаний.

— Как тебя зовут, моя добрая женщина? — спросил он.

— Джудит Карденъ!

— А как звали твоего отца?

— Ах, беднягу звали Рип Ван Винкль, но прошло двадцать лет с тех пор, как он ушёл из дома со своим ружьём, и с тех пор о нем никто ничего не слышал, — его собака вернулась домой без него; но застрелился ли он сам или его унесли индейцы, никто не знает. Расскажи. Я была тогда совсем маленькой девочкой.

Рипу оставалось задать всего один вопрос, но он задал его дрожащим голосом:»

— Где твоя мать?

О, она тоже умерла совсем недавно: в порыве страсти у нее лопнул кровеносный сосуд, когда она набросилась на разносчика из Новой Англии.

По крайней мере, в этом известии была хоть капля утешения. Честный человек больше не мог сдерживаться. Он подхватил свою дочь и её ребенка на руки.»

— Я твой отец! — воскликнул он, — Когда-то Рип Ван Винкль был молодым, а теперь Рип Ван Винкль стал старым. Неужели никто не знает бедного Рипа Ван Винкля?

Все замерли в изумлении, пока пожилая женщина, выбравшаяся, пошатываясь, из толпы, не приложила руку ко лбу и, взглядевшись в лицо Рипа Ван Винкля, не воскликнула:

— Конечно же! это Рип Ван Винкль — это он сам! Добро пожаловать снова домой, старый сосед. Где же ты был эти двадцать долгих лет?

Вскоре история Рипа была рассказана, потому что все двадцать лет прошли для него как одна ночь. Соседи, услышав это, вытаращили глаза; некоторые из них подмигивали друг другу и засовывали языки за щеки; а важный мужчина в треуголке, который, когда тревога закончилась, вернулся на поле, скривил уголки рта и покачал головой. Голова Рипа склонилась, и над ней все присутствующие покачивали головами. Однако было решено прислушаться к мнению старого Питера Вандердонка, который медленно продвигался по дороге. Он был потомком историка с таким именем, который написал один из самых ранних рассказов о провинции. Питер был самым старым жителем деревни и хорошо разбирался во всех удивительных событиях, перипетиях и традициях района. Он сразу вспомнил Рипа и подтвердил его рассказ самым убедительным образом. Он заверил компанию, что это факт, переданный от его предка-историка, что в горах Каатскилл всегда обитали странные существа.

Утверждалось, что великий Хендрик Хадсон, первооткрыватель реки и страны, каждые двадцать лет совершал там что-то вроде бдения со своей командой «Полумесяца», получая таким образом разрешение вновь посетить места своего предприятия и внимательно наблюдать за рекой и её окрестностями, предвосхищая великий город, названный его именем. Он заявил, что его отец однажды видел, как они, одетые в старые голландские платья, играли в кегли в горной лощине; и что однажды летним днем он сам слышал стук их мячей, похожий на отдалённые раскаты страшного грома.

Короче говоря, компания распалась и вернулась к более важным проблемам, связанным с выборами.

Дочь Рипа взяла его к себе жить; у неё был уютный, хорошо обставленный дом и крепкий, жизнерадостный муж-фермер, которого Рип помнил как одного из мальчишек, которые обычно забирались ему на спину. Что касается сына и наследника Рипа, который был такой же, как он сам, и которого видели прислонившимся к дереву, то он был нанят для работы на ферме, но проявлял наследственную склонность заниматься чем угодно, кроме своего бизнеса. Теперь Рип вернулся к своим прежним прогулкам и привычкам; вскоре он нашёл многих из своих прежних закадычных друзей, хотя с течением времени все они стали несколько хуже; и предпочел завести друзей среди подрастающего поколения, у которого вскоре приобрел большую популярность. Поскольку дома ему было нечего делать и он достиг того счастливого возраста, когда человек может безнаказанно бездельничать, он снова занял свое место на скамье у дверей гостиницы, и его почитали как одного из деревенских патриархов и летописца старых времен «до того времени, как была война».

Прошло некоторое время, прежде чем он смог войти в привычное русло сплетен и перетолковать странные события, произошедшие во время его оцепенения и отсутствия.

Он узнал о том, что произошла революционная война, что страна сбросила иго старой Англии и что вместо того, чтобы быть подданным его величества Георга Третьего, он теперь свободный гражданин Соединенных Штатов. Рип, в сущности, не был политиком; смена государств и империй не произвела на него особого впечатления; но был один вид деспотизма, от которого он давно стонал, и это было правление в юбке. К счастью, этому пришёл конец; он освободил свою шею от супружеского ярма и мог входить и выходить, когда ему заблагорассудится, не опасаясь тирании госпожи Ван Винкль. Однако всякий раз, когда упоминалось её имя, он качал головой, пожимал плечами и опускал глаза, что могло сойти за выражение покорности судьбе или радости по поводу своего избавления.

Он обычно рассказывал свою историю каждому встречному незнакомцу, который появлялся в отеле мистера Дулиттла. Поначалу было замечено, что он менял некоторые моменты при каждом рассказе, что, несомненно, объяснялось тем, что он совсем недавно проснулся. В конце концов все сошлось в точности с той историей, которую я рассказал, и ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребенок по соседству не могли не знать её наизусть.

Некоторые всегда морщились и делали вид, что сомневаются в реальности всего этого, и настаивали на том, что Рип был чуток не в себе, и что это был один из пунктов, по которому он всегда оставался легкомысленным увальнем. Однако старожилы Голландии почти повсеместно отдавали ему должное.

Даже по сей день в летний полдень о Каатскилле не слышно ни грозового раската, но говорят, что Хендрик Хадсон и его команда по-прежнему играют в кегли в горах; и это общее желание всех подкаблучных мужей в округе, когда жизнь висит у них на волоске, чтобы они могли выпить успокаивающий глоток из бутылки Рипа Ван Винкля.

Тут можно было бы сделать уместное примечание. Можно предположить, что вышеприведенная история была подсказана мистеру ККникерЪ-Бокеру небольшим немецким суеверием об императоре Фридрихе дер Ротбарте и горе Кипхаузер; однако прилагаемое к ней примечание показывает, что это абсолютный факт, изложенный с присущей ему точностью. «История Рипа Ван Винкля многим может показаться невероятной, но, тем не менее, я полностью верю в нее, поскольку знаю, что в окрестностях наших старых голландских поселений всегда творились и происходили удивительные события и явления. Действительно, в деревнях вдоль Гудзона я слышал много более странных историй, чем эта; все они были слишком достоверны, чтобы в них можно было усомниться. Я даже сам разговаривал с Рипом Ван Винклем, который, когда я видел его в последний раз, был очень почтенным стариком и был настолько рационален и последователен во всех остальных вопросах, что, я думаю, ни один добросовестный человек не смог бы отказаться принять это к сведению; более того, я видел свидетельство о том, что предмет, представленный местному судье, и подписанный крестиком собственноручно судьей. Таким образом, достоверность этой истории не вызывает сомнений. ПОСТСКРИПТУМ «Д.К.».

Ниже приводятся путевые заметки из записной книжки мистера КникерЪ-Бокера:

«Горы Каатсберг или Катскилл всегда были районом, полным легенд. Индейцы считали их обителью духов, которые влияли на погоду, рассеивая солнечный свет или облака над ландшафтом и посылая удачные или неудачные сезоны охоты. Ими управлял дух Старой Скво, которая, как говорили, была их Матерью. Она жила на самой высокой вершине Катскиллских гор и отвечала за двери дня и ночи, открывая и закрывая их в нужный час. Она вешала на небе новые Луны, а старые превращала в звёзды. Во времена засухи, если её как следует умиловить, она плела легкие летние облака из паутины и утренней росы и отправляла их с вершины горы, хлопья за хлопьями, как хлопья хлопка, заставляя их парить в воздухе, пока они не растворялись под лучами Солнца. они выпадали мягкими дождями, в результате чего

трава прорастала, фрукты созревали, а кукуруза росла на дюйм в час. Однако, если она была недовольна, она нагоняла тучи, чёрные, как чернила, и сидела среди них, как пузатый паук в своей паутине; и когда эти тучи рассеивались, горе обрушивалось на долины!

В древние времена, говорят индейские предания, существовал некий Маниту, или Дух, который обитал в самых диких уголках Катскильских гор и получал озорное удовольствие от того, что причинял краснокожим всевозможные беды и огорчения. Иногда он принимал облик медведя, пантеры или оленя, отправлял сбитого с толку охотника в утомительную погоню по густым лесам и среди неровных скал, а затем отпрыгивал прочь с громким «Хо! Хо!», оставляя его в ужасе на краю грозной пропасти или яростно бушующего потока.

Любимое место обитания этого Маниту до сих пор можно увидеть на картинках. Это скала или утёс в самом уединенном месте в горах, который известен под названием Садовая Скала из-за цветущих виноградных лоз, обвивающих её, и диких цветов, в изобилии растущих по соседству. У подножия скалы находится небольшое озеро, пристанище одинокой выпи, с водяными змеями, греющимися на Солнце на листьях прудовых лилий, которые лежат на поверхности.

Индейцы испытывали к этому месту такой благоговейный трепет, что даже самый смелый охотник не стал бы преследовать свою дичь в его пределах. Однако однажды заблудившийся охотник забрался на Садовую Скалу, где увидел множество тыквенных горшков, расставленных в развилках деревьев. Он схватил один из них и скрылся с ним, но в спешке отступления уронил его среди скал, когда хлынул большой поток, который смыл его и унёс в пропасть, где его разорвало на куски, и поток устремился к Гудзону, и продолжает течь по сей день, являясь тем же самым потоком, известным под названием Каатерскилл.

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОБ АМЕРИКЕ. Мне кажется, я вижу в своем воображении благородную и могущественную нацию, встающую с постели, как сильный мужчина после сна, и встряхивающую своими непокорными локонами; мне кажется, я вижу ее орлом, радующимся своей могучей молодости и сверкающим ослепительным глазам при свете полуденного Солнца.

Мильтон о Свободе Слова

С ЧУВСТВОМ глубокого сожаления я наблюдаю, как с каждым днем растет литературная вражда между Англией и Америкой. В последнее время в отношении Соединенных Штатов пробудилось большое любопытство, и лондонская пресса изобилует томами о путешествиях по Республике; но они, по-видимому, направлены скорее на распространение заблуждений, чем укоренение знаний; и они были настолько успешными в своих потугах, что, несмотря на постоянные сношения между нациями, не найдётся ни одного народа, о котором большая часть британской общественности не располагала менее точной информацией или придерживалась более многочисленных предрассудков, чем наро Америки.

Английские путешественники — одновременно лучшие и худшие в мире. Там, где не вмешиваются мотивы гордости или интереса, никто не может сравниться с ними в глубоком и философском взгляде на общество или в точном и наглядном описании внешних объектов; но когда интересы или репутация их собственной страны приходят в столкновение с интересами или репутацией другой, они впадают в противоположную крайность и забывают о своих обычных взглядах. Честность и прямоту, сопровождая язвительные замечания весьма нелиберальным духом насмешки. Следовательно, их путешествия тем честнее и достовернее, чем более отдаленную страну они описывают. Я бы безоговорочно доверился описанию англичанином стран за порогами Нила, неизвестных островов в Жёлтом море, внутренних районов Индии или любого другого места, которое другие путешественники могли бы представить себе в силу своих иллюзорных фантазий. Но я бы с осторожностью выслушал его рассказ о его ближайших соседях и о тех народах, с которыми он чаще и дольше всего общается. Как бы я ни был склонен доверять его честности, я не смею доверять его предрассудкам.

Кроме того, такова уж была судьба нашей страны — её посещали самые отъявленные, злостные английские путешественники. В то время как люди философского склада и образованные умы были посланы из Англии для того, чтобы грабить поляков, проникать в пустыни и изучать нравы и обычаи варварских народов, с которыми у неё не было постоянных контактов, приносящих прибыль или удовольствие, это дело целиком и полностью было предоставлено разорившемуся торговцу, интригану, авантюристу, бродячему механику, агенту из Манчестера и Бирмингема, которые поневоле стали её оракулами в отношении Америки.

Но причины, которые укрепляют и облагораживают человека, и ежедневные проявления его замечательных свойств — все это ускользает от этих подслеповатых наблюдателей, на которых влияют лишь небольшие неровности, присущие его нынешнему положению. Они способны судить только по внешней стороне вещей, по тем вопросам, которые касаются их личных интересов и удовлетворения личных потребностей. Им не хватает некоторых уютных удобств и мелочей, которые присущи старому, высококлассному и перенаселенному обществу; где ряды занятых полезным трудом переполнены, и многие зарабатывают на мучительное и рабское существование, изучая капризы аппетита и потакая своим желаниям. Эти незначительные удобства, однако, имеют первостепенное значение по мнению ограниченных умов, которые либо не понимают, либо не желают признавать, что среди нас они более чем уравновешиваются великими и повсеместно распространяемыми благословениями.

Возможно, они были разочарованы каким-то необоснованным ожиданием внезапной выгоды. Возможно, они представляли себе Америку как Эльдorado, где в изобилии золото и серебро валяется на улице, а туземцам не хватает сообразительности, чтобы наклониться за ним, и где они должны поневоле вдруг неожиданно разбогатеть каким-то непредвиденным, но поразительно лёгким способом. Та же слабость ума, которая потворствует абсурдным ожиданиям, порождает раздражительность и разочарование. Такие люди становятся озлобленными на страну, обнаруживая, что здесь, как и везде, человек должен посеять, прежде чем пожать;

он должен завоевать богатство трудолюбием и талантом; и должен бороться с обычными природными трудностями, а также конкурировать с проницательностью умных и предприимчивых людей. Возможно, из-за ошибочного или дурно направленного гостеприимства или из-за распространенной среди моих соотечественников склонности сразу же подбодрить незнакомца и оказать ему поддержку, к ним в Америке относились с непривычным уважением, и, поскольку они всю свою жизнь привыкли считать себя людьми, не принадлежащими к хорошему обществу, и воспитывались в испытывая раболепное чувство неполноценности, они становятся высокомерными, пользуясь обычным благом вежливости; они приписывают низости других свое собственное возвышение; и недооценивают общество, в котором нет искусственных различий и где, по какой-то случайности, такие люди, как они сами, могут добиться успеха.

Однако можно было бы предположить, что информация, поступающая из таких источников по вопросу, в котором так желательна истина, будет с осторожностью воспринята официальными цензорами прессы; что мотивы этих людей, их правдивость, их возможности для расследования и наблюдения, а также их способность выносить верные суждения будут приняты во внимание и должны были быть тщательно изучены, прежде чем их показания против родственной нации будут приняты во внимание в таком широком масштабе.

Однако дело обстоит как раз наоборот, и это является поразительным примером человеческой непоследовательности. Ничто не может сравниться с той бдительностью, с которой английские критики проверяют достоверность сведений путешественника, публикующего отчет о какой-нибудь далекой и сравнительно невзрачной стране. С какой осторожностью они будут сравнивать размеры пирамид или описание руин и как сурово они будут порицать любую неточность в этих сообщениях, содержащих лишь любопытные сведения, в то время как они будут с готовностью и непоколебимой верой воспринимать грубые искажения необразованных и темных авторов, касающиеся страны, с которой их земля давно связана, собственно говоря важными, продолжительными и деликатными отношениями.

Более того, они даже превратят эти апокрифические тома в учебники, над которыми можно корпеть с усердием и умением, достойными более благородного применения. Однако я не буду останавливаться на этой утомительной и избитой теме; да и не стал бы я к ней обращаться, если бы не чрезмерный интерес, который, по-видимому, проявляют к ней мои соотечественники, и некоторые пагубные последствия, которые, как я опасаясь, это может оказать на национальное чувство. Мы придаём слишком большое значение этим нападкам.

Они не могут причинить нам существенного вреда. Ткань искажений, которую пытаются сплести вокруг нас, подобна паутине, сплетенной вокруг конечностей младенца-великана. Наша страна постоянно перерастает их. Одна ложь за другой отпадает сама собой. Нам остается только жить дальше, и каждый день мы проживаем целый том опровержений. Все писатели Англии, объединившись, если бы мы могли на мгновение предположить, что их великие умы снизойдут до столь недостойного сочетания, не смогли бы скрыть нашего быстро растущего значения и несравненного процветания. Они не могли скрыть, что это объясняется не только физическими и местными, но и моральными причинами — политической свободой, общим распространением знаний, преобладанием здравых, моральных и религиозных принципов, которые придают силу и устойчивую энергию характеру народа и которые на самом деле сделали нас признанными и замечательными сторонниками своей собственной национальной мощи и славы.

Но почему мы так остро реагируем на клевету в адрес Англии? Почему мы так страдаем от оскорблений, которые она пытается на нас обрушить? Честь и репутация существуют не только во мнении Англии. Весь мир в целом является вершителем славы нации: тысячами глаз он наблюдает за её деяниями, и на основе их коллективного свидетельства устанавливается национальная слава или национальный позор. Поэтому для нас сравнительно не так важно, отдаёт ли Англия нам должное или нет; возможно, это гораздо важнее для неё самой.

Она сеет гнев и негодование в сердце молодой нации, чтобы они росли вместе с её ростом и укреплялись вместе с её силой. Если в Америке, как пытаются убедить некоторые из ее писателей, она в будущем встретит непримиримую соперницу и огромного врага, она может поблагодарить этих самых писателей за то, что они спровоцировали соперничество и открытую враждебность.

Каждый знает о всепроникающем влиянии литературы в наши дни и о том, насколько сильно мнения и страсти человечества находятся под её контролем. Простые схватки на мечах проходящи; они наносят раны лишь плоти, и гордость великодушного человека — прощать и забывать о них; но клевета, написанная пером, проникает в сердце и живёт века; она дольше всего терзает самые благородные души; она всегда присутствует в сознании и причиняет боль и человек после всегда болезненно чувствителен к самому пустяковому столкновению.

Очень редко какой-либо один открытый акт приводит к враждебности между двумя нациями; чаще всего это накапливающаяся предшествующая ревность и недоброжелательность, предрасположенность к обидам. Проследите за их причинами, и как часто окажется, что они проистекают из озорных излияний корыстолюбивых писателей, которые, надежно укрывшись в своих кабинетах, за бесчестный хлеб сочиняют и распространяют яд, который должен воспламенять великодушных и храбрых. Я не придаю этому особого значения, поскольку это особенно актуально в нашем конкретном случае. Ни над одной страной пресса не имеет такого абсолютного контроля, как над народом Америки, поскольку всеобщее образование беднейших слоев населения превращает каждого человека в читателя. В Англии нет ничего опубликованного на тему нашей страны, что не распространялось бы по всем ее уголкам. Нет ни одной клеветы, слетевшей с английского пера, ни одного недостойного сарказма, произнесенного английским государственным деятелем, которые не подрывали бы добрую волю и не усугубляли бы скрытое негодование. В таком случае, обладая, как и Англия, источником, из которого течёт литература на этом языке, насколько это в ее власти и насколько это действительно её долг — сделать её источником добрых и великодушных чувств — источником, где две нации могли бы встретиться и пить в мире и доброта.

Однако, если она будет упорствовать в своем стремлении к ожесточению, может наступить время, когда она раскается в своей глупости. Нынешняя дружба с Америкой, возможно, не имеет для неё большого значения, но будущие судьбы этой страны не допускают сомнений.; над жителями Англии нависла тень некоторой неопределённости. Если же настанет мрачный день — если её постигнут те неудачи, от которых не были избавлены самые гордые империи, — она может оглянуться назад с сожалением на свое безрассудное увлечение, оттолкнувшее от неё нацию, которую она могла бы прижать к своей груди, и тем самым разрушившее ее единственный шанс на настоящую дружбу за пределами ее собственных владений.

В Англии сложилось общее впечатление, что народ Соединенных Штатов настроен враждебно по отношению к своей стране-основательнице. Это одно из заблуждений, которые старательно пропагандируются писателями-дизайнерами.

Несомненно, существует значительная политическая враждебность и общее недовольство нелиберализмом английской прессы; но, говоря коллективно, народ решительно настроен в пользу Англии. Действительно, когда-то во многих частях Союза они доходили до абсурдной степени фанатизма.

Само по себе имя англичанина служило залогом доверия и гостеприимства в каждой семье и слишком часто служило временной валютой для никчемных и неблагодарных людей. По всей стране идея Англии вызывала некоторый энтузиазм. Мы смотрели на нее со священным чувством нежности и почитания, как на землю наших предков — величественное хранилище памятников и древностей нашей расы, место рождения и усыпальницу мудрецов и героев нашей отеческой истории. После нашей собственной страны не было никого, чьей славой мы восхищались бы больше, чьим добрым мнением мы так дорожили бы, к кому наши сердца стре-

мились бы с таким трепетом теплого кровного родства. Даже в конце войны, когда была хоть малейшая возможность для проявления добрых чувств, великодушные люди нашей страны с радостью демонстрировали, что в разгар военных действий они все еще поддерживают искры будущей дружбы и примирения. Неужели всему этому неизбежно придёт конец?

Неужели эта золотая нить родственных симпатий, столь редкая между народами, будет разорвана навсегда? — Возможно, это к лучшему — это может развеять намеки, которые могли бы держать нас в ментальном рабстве; которые могли бы иногда мешать нашим истинным интересам и препятствовать росту надлежащей национальной гордости. Но трудно расстаться с родственными узами! И к тому же есть чувства более дорогие, чем интерес, более близкие сердцу, чем гордость, которые все равно заставят нас с сожалением оглядываться назад, когда мы будем уходить все дальше и дальше от родительского крова, и сетовать на своенравие родителей, которое оттолкнет привязанность ребёнка.

Однако, каким бы недалёковидным и неблагоприятным ни было поведение Англии в рамках этой системы клеветы, взаимные обвинения с нашей стороны были бы столь же необоснованными. Я не говорю о быстром и энергичном восстановлении нашей страны или жесточайшем наказании ее клеветников, но я намекаю на склонность к ответным мерам, к сарказму и предвзятому отношению, которые, похоже, широко распространяются среди наших писателей. Давайте будем особенно остерегаться такого поведения, ибо оно удвоит зло, вместо того чтобы исправить его.

Нет ничего более легкого и привлекательного, чем ответные оскорбления и сарказм; но это ничтожное и невыгодное состязание. Это альтернатива болезненному уму, который скорее впадает в раздражение, чем в негодование. Если Англия готова допустить, чтобы подлая зависть в торговле или злобная вражда в политике подрывали честность её прессы и отравляли чистый источник общественного мнения, давайте остерегаться её примера.

Возможно, она считает, что в ее интересах распространять заблуждения и сеять антипатию с целью сдерживания эмиграции: у нас нет такой цели, которой мы обязаны служить. У нас также нет чувства национальной розни, которое нужно было бы удовлетворять; ибо пока что во всём нашем соперничестве с Англией мы являемся растущей и побеждающей стороной.

Следовательно, ответным мерам не может быть конца, кроме удовлетворения чувства обиды — простого стремления к возмездию, — но даже это бессильно и похоже на удар в пустоту.

Наши возражения никогда не переиздаются в Англии; следовательно, они не достигают своей цели; но они порождают ворчливый и брюзгливый нрав у наших писателей; они отравляют сладкое течение нашей ранней литературы и сеют шипы и ежевику среди её нежных цветов. Что ещё хуже, они циркулируют по нашей собственной стране и, насколько это возможно, возбуждают опасные национальные предрассудки.

Это последнее зло заслуживает особого осуждения. Поскольку мы полностью зависим от общественного мнения, следует проявлять максимальную осторожность, чтобы сохранить чистоту общественного мнения.

Знание — это сила, а истина — это знание; поэтому тот, кто сознательно распространяет предрассудки, намеренно подрывает основы могущества своей страны. Члены республики, прежде всего, люди, должны быть честными и беспристрастными. Каждый из них является частью суверенного разума и суверенной воли и должен иметь возможность спокойно и непредвзято подходить ко всем вопросам, представляющим национальный интерес. Из — за особого характера наших отношений с Англией у нас с ней чаще, чем с какой-либо другой нацией, должны возникать вопросы сложного и деликатного свойства, которые затрагивают самые острые и возбудимые чувства, и поскольку при их разрешении наши национальные меры должны в конечном счете определяться общественным мнением. Несмотря на то, что мы чувствуем, мы не можем быть слишком внимательными, чтобы очистить их от всякой скрытой

страсти или предубеждения. Открывая, как и мы, убежища для незнакомцев во всех уголках земли, мы должны принимать всех беспристрастно. Мы должны гордиться тем, что показываем пример, по крайней мере, одной нации, лишенной национальных антипатий и проявляющей не просто явные проявления гостеприимства, но и те более редкие и благородные проявления вежливости, которые проистекают из свободы мнений.

Какое отношение мы имеем к национальным предрассудкам? Это застарелые болезни старых стран, возникшие в грубые и невежественные времена, когда народы почти ничего не знали друг о друге и с недоверием и враждебностью смотрели за пределы своих собственных границ. Мы, напротив, вступили в национальную жизнь в просвещенный и философский век, когда различные части обитаемого мира и различные ветви человеческой семьи неустанно изучались и делались известными друг другу; и мы отказываемся от преимуществ нашего происхождения, если не избавимся от национальных предрассудков, как избавились бы от местных суеверий старого света. Но прежде всего давайте не будем поддаваться влиянию каких-либо гневных чувств, вплоть до того, чтобы закрывать глаза на то, что действительно прекрасно и дружелюбно в английском характере. Мы — молодой народ, который по необходимости склонен к подражанию, и должны брать свои примеры и модели, в значительной степени, у существующих наций Европы. Нет страны, более достойной нашего изучения, чем Англия. Дух ее конституции наиболее близок к нашему. Нравы ее народа, его интеллектуальная активность, его свобода мнений, его привычки размышлять на те темы, которые затрагивают самые сокровенные интересы и самые священные благотворительные цели частной жизни, — все это соответствует американскому характеру и, по сути, превосходно по своей сути, поскольку заключается в нравственном чувстве о людях, которые закладывают глубокие основы британского процветания; и как бы ни была изношена временем надстройка или не подвергалась злоупотреблениям, в основе здания, которое так долго непоколебимо возвышалось среди мировых бурь, должно быть что-то прочное, достойное восхищения в материалах и стабильное в структуре.

Поэтому пусть гордостью наших писателей станет то, что, отбросив всякое чувство раздражения и презрение к ответным мерам на нелиберальность британских авторов, они будут говорить об английской нации без предубеждений и с решительной благородной искренностью. Хотя они и осуждают огульный фанатизм, с которым некоторые наши соотечественники восхищаются всем английским и подражают ему только потому, что это Нечто Английское, позвольте им откровенно указать на то, что действительно достойно одобрения.

Таким образом, мы можем рассматривать Англию как вечный источник информации, в котором зафиксированы обоснованные выводы из многовекового опыта; и хотя мы избегаем ошибок и нелепостей, которые, возможно, вкрались на эту страницу, мы можем извлечь из неё золотые принципы практической мудрости, которые помогут укрепить и приукрасить наш национальный характер.

Те, кто видит англичанина только в городе, склонны составить неблагоприятное мнение о его социальном статусе. Он либо поглощён бизнесом, либо занят тысячами дел, которые в этом огромном мегаполисе отнимают время, мысли и чувства. Поэтому у него слишком часто бывает торопливый и рассеянный вид. Где бы он ни находился, он собирается отправиться куда-то ещё; в тот момент, когда он говорит на одну тему, его мысли устремляются к другому предмету; и, нанося дружеский визит, он прикидывает, как ему сэкономить время, чтобы нанести другие визиты, запланированные на утро.

Такой огромный мегаполис, такой как Лондон, рассчитан на то, чтобы сделать людей эгоистичными и неинтересными. В своих случайных и мимолетных встречах они могут лишь кратко коснуться общих мест. Они демонстрируют лишь внешнюю холодность характера — их богатые и добродушные качества не успевают разгореться и вылиться наружу.

Именно в сельской местности англичанин дает волю своим естественным чувствам. Он с радостью порывает с холодными формальностями и негативной вежливостью города, отбрасывает свои привычки к застенчивой сдержанности и становится веселым и свобододолюбивым клоуном. Ему удастся собрать вокруг себя все удобства и изящество светской жизни и избавиться от ее ограничений. Его загородное поместье изобилует всем необходимым как для уединенного отдыха, так и для изысканных удовольствий или сельских прогулок. Книжки, картины, музыка, лошади, собаки и всевозможные спортивные принадлежности всегда под рукой.

Он не налагает никаких ограничений ни на своих гостей, ни на самого себя, но, в духе истинного гостеприимства, предоставляет все возможности для наслаждения и предоставляет каждому вкушать по своему усмотрению.

Вкус англичан в обработке земли и в том, что называется ландшафтным озеленением, хуже сказать — дизайном, не имеет себе равных. Они внимательно изучали Природу и обнаружили тонкое ощущение её прекрасных форм и гармоничных сочетаний. Те чары, которые в других странах она расточает в диком уединении, здесь собраны вокруг очагов семейной жизни. Кажется, они заразились её застенчивостью и скрытым обаянием и распространяют их, как колдовство, разливая его по своим сельским обиталищам.

Ничто не может быть более впечатляющим, чем великолепие пейзажей английских парков. Обширные лужайки, простирающиеся словно простыни ярко-зелёного цвета, с разбросанными тут и там купами гигантских деревьев, покрывающих их далеко распространившимися мощными ветвями с их пышной листвой.

Торжественное великолепие рощ и лесных полян, по которым молчаливыми стадами бродят олени; заяц, стремглав убегающий в укрытие; или фазан, внезапно взмывающий в воздух. Ручей, наученный извиваться естественным образом или превращаться в зеркальное озеро — уединенный пруд, в котором отражаются трепещущие деревья, на груди которых дремлет желтый лист, а форель бесстрашно бродит по его прозрачным водам; в то время как какой-нибудь деревенский храм или лесная статуя позеленели и потемнели от времени. Это придаёт этому божественному уединению атмосферу классической святости. Это лишь некоторые из особенностей паркового пейзажа Англии, но что меня больше всего восхищает, так это творческий талант, с которым англичане среднего класса украшают скромные жилища. Самое грубое жилище, самый бесперспективный и скудный участок земли в руках англичанина со вкусом превращается в маленький рай.

Обладея тонким чутьём, он сразу же оценивает его возможности и рисует в своем воображении будущий ландшафт. Стерильное пятно под его рукой становится прекрасным, и всё же художественные действия, производящие этот эффект, едва заметны. Забота о некоторых деревьях и уход за ними; осторожная обрезка других; аккуратное распределение цветов и растений с нежной и изящной листвой; создание зелёного склона с бархатистым газоном; частичный доступ к голубым далям или серебряному блеску воды — всё это осуществляется с особой, недоступный никому другому тщательностью. Перед нами явлен тонкий такт, всепроникающее, но в то же время тихое усердие, подобные волшебным, ласковым прикосновениям, которыми художник завершает любимую картину.

Это место жительства состоятельных и утонченных людей. Их пребывание в сельской местности привило сельскому хозяйству определенный вкус и элегантность, свойственные здесь даже самым низшим слоям общества. Здесь сам труженик, со своим крытым соломой домиком и узкой полоской земли, заботится о своём благоустройстве. Аккуратная живая изгородь, лужайка перед дверью, маленькая цветочная клумба, окаймлённая аккуратным самшитом, дубрава, прислоненная к стене и закрывающая своими цветами решетку; горшок с цветами на окне; остролист, предусмотрительно посаженный вокруг дома, чтобы избавить зиму от её серой унылости и создать видимость зелёного лета, чтобы развеселить домашний очаг; все это свидетельствует о влиянии вкуса, исходящего из высших источников и проникающего

в самые низы общественного сознания. Если когда-нибудь Любовь, как поют поэты, будет в восторге от посещения такого коттеджа, то это несомненно будет коттедж Английского Крестьянина.

Любовь высших слоев английского общества к сельской жизни оказала огромное благотворное влияние на национальный характер. Я не знаю более благородной расы людей, чем английские джентльмены. Вместо мягкости и изнеженности, которые характеризуют высокопоставленных людей в большинстве стран, они демонстрируют сочетание элегантности и силы, крепкого телосложения и свежести цвета лица, что я склонен приписывать тому, что они так много времени проводят на свежем воздухе и с таким рвением предаются бодрящим развлечениям сельской местности. Энергичные упражнения также способствуют здоровому настрою ума и духа, а также мужественности и простоте манер, которые даже городское безумие и распутство не могут легко извратить и никогда не смогут полностью уничтожить. В сельской местности различные слои общества также, по-видимому, более свободно взаимодействуют, более склонны смешиваться и оказывать благоприятное воздействие друг на друга. Различия между ними не кажутся такими заметными и непреодолимыми, как в городах. Способ, которым собственность была распределена между мелкими поместьями и фермами, установил правильную градацию от дворян через классы дворянства, мелких землевладельцев и крупных фермеров вплоть до трудового крестьянства; и хотя это объединило крайние слои общества, оно пронизало каждый промежуточный класс духом независимости. Следует признать, что в настоящее время это не так распространено, как было раньше; в последние годы кризиса крупные поместья поглотили более мелкие, а в некоторых частях страны практически уничтожили крепкую расу мелких фермеров. Однако, я полагаю, это всего лишь случайные разрывы в общей системе, о которой я упоминал. В занятиях сельским хозяйством нет ничего низкого и унижительного. Они ведут человека к пейзажам природного величия и красоты; они оставляют его наедине с работой его собственного разума, на который воздействуют самые чистые и возвышающие внешние факторы. Такой человек может быть прост и груб, но он не может быть вульгарным. Поэтому утонченный человек не находит ничего отвратительного в общении с низшими слоями общества в сельской жизни, как это происходит, когда он случайно общается с низшими слоями общества в городах. Он отбрасывает свою отстраненность и сдержанность и рад отказаться от различий в рангах и приобщиться к честным, искренним радостям обычной жизни. На самом деле, сами развлечения в сельской местности все больше сближают людей, а звуки гончих и рожка приводят все чувства в гармонию. Я считаю, что это одна из главных причин, по которой знать и джентри более популярны среди низших слоев общества в Англии, чем в любой другой стране; и почему последние терпели так много чрезмерного давления и крайностей, не жалуясь в целом на неравномерное распределение богатства и привилегий.

К этому смешению культурного и деревенского общества можно также отнести ощущение сельской местности, которое пронизывает британскую литературу; частое использование иллюстраций из сельской жизни; те несравненные описания природы, которыми изобилуют британские поэты, — начиная с «Цветка и листа» Чосера и заканчивая многим другим, мы привнесли в наши шкафы всю свежесть и аромат росистого пейзажа.

Авторы пасторалей из других стран выглядят так, как будто они время от времени нанесли визит Природе и познакомились с её общими прелестями; но британские поэты жили и наслаждались вместе с ней — они ухаживали за ней в её самых потаенных уголках, они наблюдали за её мельчайшими капризами и проявлениями. Ветка не могла бы трепетать на ветру, лист не мог бы с шелестом упасть на землю, бриллиантовая капля не могла бы упасть в ручей, скромная фиалка не могла бы источать аромат, а маргаритка не раскрывала бы свои малиновые оттенки к утру, если бы это не было замечено этими страстными и деликатными наблюдателями, превратившими детали Природы в новую, прекрасную мораль.

Эта преданность утонченных умов сельским занятиям оказала замечательное влияние на облик страны. Большая часть острова довольно ровная и была бы однообразной, если бы не очарование культуры; но она как бы усеяна замками и дворцами, украшена парками и садами. Он изобилует не грандиозными и возвышенными перспективами, а скорее маленькими домашними сценками сельского отдыха и уединённой тишины. Каждый старинный фермерский дом и поросший мхом коттедж — это картина; а поскольку дороги постоянно петляют, а вид закрывают рощи и живые изгороди, глаз радуется непрерывная череда небольших пейзажей, поражающих своей красотой.

Однако самое большое очарование английских пейзажей заключается в том нравственном чувстве, которое, по-видимому, пронизывает их. В сознании людей они ассоциируются с представлениями о порядке, тишине, трезвых устоявшихся традициях, старинном обиходе и почитаемых обычаях.

Всё здесь кажется результатом долгих веков размеренного и мирного существования. Старинная церковь старинной архитектуры с низким массивным порталом; готической башней; окнами, богато украшенными узорами и расписным стеклом, тщательно сохранившимися; величественными памятниками воинам и знатым людям древности, предкам нынешних хозяев земли; его надгробные плиты, свидетельствующие о сменяющих друг друга поколениях крепких йоменов, потомки которых до сих пор пахут те же поля и преклоняют колени у того же алтаря; — дом священника, причудливой неправильной формы, частично устаревший, но отремонтированный и измененный в соответствии со вкусами разных возрастов и жителей; — лестница и пешеходная дорожка, ведущие от церкви церковный двор, через живописные поля и вдоль тенистых изгородей, в соответствии с извечным порядком проезда; — соседнюю деревню с ее старинными коттеджами, общественную лужайку, укрытую деревьями, под которыми резвились предки нынешней расы; — старинный фамильный особняк, стоящий особняком в каком-нибудь маленьком сельском поместье, но смотрящий сверху вниз на окружающую обстановку с видом защитника; все эти общие черты английского пейзажа свидетельствуют о спокойствии и неизменной безопасности, наследственной передаче местных добродетелей и привязанностей, которые глубоко и трогательно говорят о моральном облике нации. Приятно видеть воскресным утром, когда колокол разносит свою сдержанную мелодию по тихим полям, крестьян в своих лучших нарядах, с румяными лицами и скромной весёлостью, спокойно идущих по зелёным аллеям в церковь; но еще приятнее видеть их в праздничных одеждах. По вечерам они собираются у дверей своих коттеджей и, казалось, радуются скромному комфорту и удобствам, которые они создали вокруг себя собственными руками.

Именно это приятное ощущение домашнего уюта, этот неизменный покой любви в домашней обстановке, в конце концов, является источником самых стойких добродетелей и самых чистых наслаждений; и я не могу закончить эти отрывочные замечания лучше, чем процитировав слова современного английского поэта, который описал это с замечательной точностью, не употребив при этом слова «счастье»:

Через каждую ступень, начиная с рокированного зала,
Городской купол, вилла, увенчанная тенью,
Но главная из бесчисленных скромных особняков в городе или деревушке, скрывающих среднюю жизнь,
Вплоть до коттеджной долины и сарая с соломенной крышей.;
Этот западный остров издавна славился своими живописными местами
Где bliss domestic обретает пристанище; Семейное блаженство, которое, подобно безобидному голубу,
(Честь и нежная ласка стоят на страже)
Можно расположиться в маленьком тихом гнездышке
Все, ради чего хотелось бы пролететь сквозь землю;

Который может, несмотря на то, что мир ускользает, быть самим собой Миром, которым наслаждаются; которому не нужны свидетели Кроме тех, кто разделяет его с ним, и одобряющих Небес;

Который, подобно цветку, спрятавшемуся глубоко в расщелине скалы, Улыбается, хотя смотрит только на небо.* *

Из стихотворения преподобного Рэнна Кеннеди, посвященного смерти принцессы Шарлотты,

Утром Разбитое Сердце

*Я сплю весной, и всю весну мне снится,
Нет, не лавины, бури и вериги,
Нет, не обвалы, вихри и морозы—
Как с осторожностью лесная гусеница
Ест листья самой сладкой книги —
Весенней розы.*

МИДДЛТОН

ТЕ, КТО пережил восприимчивость к ранним чувствам или был воспитан в весёлой бессердечности беспутной жизни, обычно смеются над всеми любовными историями и относятся к рассказам о романтической страсти как к простым выдумкам романистов и поэтов. Мои наблюдения за человеческой природой заставили меня думать иначе. Они убедили меня в том, что, как бы ни охлаждали и замораживали мирские заботы внешний и внутренний облик человека или как бы светское искусство не превращало его улыбку в оскал хищника, в глубине самой холодной души всё же таится дремлющий огонь, который, будучи однажды зажжён, пнуждает к порывам и может привести к гибели, или к событиям, иногда имеющим опустошающие последствия в итоге. На самом деле, я искренне верю в слепое божество и полностью разделяю его доктрину. Должен ли я признаться в этом?

Я верю в разбитые сердца и в возможность умереть от преданной любви! Однако я не считаю, что это заболевание часто бывает смертельным для представителей моего пола; но я твердо верю, что это рано сводит в могилу многих прекрасных женщин.

Человек — это существо, наделенное интересами и амбициями. Его природа ведет его к борьбе и суеде этого мира. Любовь — это всего лишь украшение его ранней жизни или песня, которую он поёт в перерывах между жизненными актами, в некотором смысле это — антракт между действиями спектакля. Человек стремится к славе, богатству, к месту в мировом сознании и власти над своими ближними.

Но вся жизнь женщины — это история привязанностей. Сердце — это её мир; именно там её амбиции стремятся к власти, именно там её алчность ищет припрятанные сокровища. Она отдает свои симпатии приключениям; она всей душой отдается любви.; и если она потерпела кораблекрушение, то её случай безнадежен — ибо это банкротство сердца.

Для мужчины разочарование в любви может вызвать горькие угрызения совести; оно ранит некоторые нежные чувства оно разрушает некоторые надежды на счастье; но он существо деятельное — он может рассеять свои мысли в круговерти разнообразных занятий или погрузиться в прилив удовольствий; или, если у него есть желание, он может сделать это сценой, картина разочарования слишком полна болезненных ассоциаций, но мужчина может менять свое местопребывание по своему желанию и, так сказать, воспользовавшись крыльями утра, может «долететь до самых отдаленных уголков земли и обрести покой».

Но жизнь женщины относительно неподвижна, уединенна и погружена в размышления. Она больше погружена в свои собственные мысли и чувства; и если они обращены к служителям скорби, где ей искать утешения? Её удел — быть объектом ухаживаний и завоеваний; и если она несчастлива в своей любви, её сердце подобно какой-то крепости, которую захватили, разграбили, бросили и оставили в запустении. Сколько ярких глаз тускнеет, сколько нежных щечек бледнеет, сколько прекрасных форм сходят в могилу, и никто не может сказать, что погубило их красоту! Как голубь прижимает крылья к груди, чтобы укрыть стрелу, которая вонзается в его жизненно важные органы, так и природа женщины такова, что она скрывает от мира боль уязвленной привязанности. Любовь хрупкой женщины всегда застенчива и мол-

чалива. Даже когда ей везёт, она едва ли говорит об этом даже про себя; но прячет её в тайниках своего сердца и там позволяет ему затаиться и предаваться размышлениям среди руин своего покоя. Что касается её, то если мечты её сердца не сбылись — тогда великому очарованию жизни пришёл конец. Она пренебрегает всеми бодрящими упражнениями, которые поднимают настроение, учащают пульс и направляют прилив сил здоровыми потоками по венам. Её покой нарушен — сладкая свежесть сна отравлена меланхолическими сновидениями — «сухая печаль пьёт её кровь», и её ослабленное тело опускается при малейшем внешнем повреждении. Поищите её немного погодя, и вы увидите, что Дружба плачет над её безвременной могилой и удивляется, что та, которая совсем недавно сияла здоровьем и красотой, так быстро превратилась в «тьму и клубок червей».

Вам расскажут о каком-то зимнем холоде, каком — то случайном недомогании, которое свалило её с ног, но никто не знает о душевном недуге, который ранее подорвал её силы и сделал её такой легкой добычей грабителя. Она подобна нежному дереву, гордости и красоте рощи; изящна своей формой, ярка своей листвой, но в её сердце живет червь. И мы видим, что деревце это внезапно увядает, хотя должно быть самым свежим и пышным. Мы видим, как оно склоняет свои ветви к земле и сбрасывает лист за листом, пока, опустошённое и погибшее, не упадет в тишине леса; и когда мы размышляем над прекрасными руинами, мы тщетно пытаемся вспомнить взрыв или молнию, которые могли бы поразить его и повергнуть ниц. Я видел много случаев, когда женщины впадали в расточительство, пренебрегали собой и постепенно исчезали с лица земли, как будто их уносило на небеса; и мне неоднократно казалось, что я могу проследить их смерть по различным проявлениям чахотки, простуды, слабости, вялости, меланхолии, пока я не достигну цели, обнаружив первый симптом разочарованной любви. Но недавно мне рассказали об одном подобном случае; обстоятельства хорошо известны в стране, где они произошли, и я приведу их только в том виде, в каком они были изложены. Каждый должен помнить трагическую историю юного Э., ирландского патриота; она была слишком трогательной, чтобы ее можно было быстро забыть. Во время смуты в Ирландии его судили, осудили и казнили по обвинению в государственной измене. Его судьба произвела глубокое впечатление на общественность. Он был так молод, так умен, так великодушен, так храбр — в нем было все, что мы склонны ценить в молодом человеке. Его поведение на суде тоже было таким благородным и бесстрашным. Благородное негодование, с которым он отверг обвинение в государственной измене своей стране, красноречивое отстаивание своего имени и его трогательное обращение к потомкам в безнадежный час осуждения — все это глубоко проникло в сердце каждого великодушного человека, и даже его враги сожалели о суровой стезе, которая привела к его казни.

Но было одно сердце, страдания которого невозможно описать. В более счастливые дни и при более благоприятной судьбе он завоевал любовь красивой и интересной девушки, дочери покойного знаменитого ирландского адвоката. Она любила его с бескорыстным пылом первой и ранней женской любви. Когда все житейские правила ополчились против него, когда удача отвернулась от него, а его имя окутали позор и опасности, она любила его ещё сильнее за его страдания. Если, таким образом, его судьба могла пробудить сочувствие даже у его врагов, то каковы же должны были быть муки той, чья душа была целиком поглощена его образом? Пусть расскажут те, для кого врата гробницы внезапно закрылись между ними и существом, которое они любили больше всего на свете, — те, кто сидел на ее пороге, словно запертый в холодном и одиноком мире, откуда ушло всё самое прекрасное и любящее. Но тогда как описать ужасы такой могилы! — такой страшной, такой обесчещенной! Не было ничего, на чем можно было бы запечатлеть в памяти, что могло бы смягчить боль разлуки, — ни одного из тех нежных, хотя и печальных обстоятельств, которые вызывают любовь к сцене расставания, — ничего, что могло бы растопить печаль в этих благословенных слезах, ниспосланных, как небесная роса, чтобы оживить сердце в час расставания, полный страданий.

Чтобы еще больше усугубить свое вдовье положение, она навлекла на себя неудовольствие отца своей неудачной привязанностью и была изгнана из родительского дома. Но если бы сочувствие и добрые услуги друзей достигли души, столь потрясенной и охваченной ужасом, она не испытала бы недостатка в утешении, ибо ирландцы — народ живой и великодушный в своей чувствительности. Самые нежные и заботливые знаки внимания оказывали ей богатые и знатные семьи. Её ввели в общество, и пытались всевозможными занятиями и развлечениями рассеять её горе и отвлечь от трагической истории ее любви. Но все было напрасно. Бывают такие удары судьбы, которые ранят и обжигают душу всю целиком, проникают в самое сердце счастья и уничтожают его, чтобы больше никогда не пустить бутон радости цвести. Она никогда не возражала против того, чтобы часто посещать места развлечений, но была там так же одинока, как и в глубинах уединения; она бродила в печальной задумчивости, по-видимому, не замечая окружающего мира. Она несла с собой внутреннее горе, которое насмехалось над всеми дружескими уговорами и «не внимало песне чародея, который никогда не очаровывал ее так мудро».

Человек, который рассказал мне её историю, видел её на маскараде. Не может быть более поразительного и болезненного проявления глубоко зашедшей в прошлое нищеты, чем встреча с ней в такой сцене. Видеть, как оно бродит, словно призрак, одинокое и безрадостное создание, там, где все вокруг веселятся, — видеть, как оно наряжается в атрибуты веселья и выглядит таким бледным и убитым горем, как будто тщетно пыталось обманом заставить бедное сердце на мгновение забыть о печали.

После прогулки по роскошным залам и шумной толпе с видом полной отрешенности она присела на ступеньки оркестра и, оглядевшись некоторое время с отсутствующим видом, свидетельствовавшим о ее нечувствительности к кричащей сцене, с капризностью больного сердца начала петь припев немного жалобной песенки. У неё был прекрасный голос, но в этот раз он был таким простым, таким трогательным, от него веяло такой горечью, что она собрала вокруг себя толпу, безмолвную и притихшую, и все расплакались.

История такой правдивой и нежной женщины не могла не вызвать большого интереса в стране, отличающейся идеализмом и энтузиазмом. Она полностью покорила сердце храброго офицера, который ухаживал за ней и думал, что человек, столь верный мертвым, не может не испытывать нежности к живым. Она отвергла его ухаживания, поскольку её мысли были полностью поглощены воспоминаниями о бывшем возлюбленном. Он, однако, настаивал на своем. Он добивался не ее нежности, а ее уважения. Ему помогали ее убежденность в его ценности и осознание собственной обездоленности и зависимости, поскольку она жила за счет доброты друзей. Одним словом, ему наконец удалось добиться ее руки, хотя и с торжественным заверением, что сердце ее неизменно принадлежит другому.

Он взял ее с собой на Сицилию, надеясь, что перемена обстановки изгладит воспоминания о прежних горестях. Она была милой и примерной женой и старалась быть счастливой, но ничто не могло излечить от тихой и всепоглощающей меланхолии, которая поселилась в ее душе. Она медленно, но безнадежно угасала и в конце концов сошла в могилу, став жертвой разбитого сердца.

Не о том ли повествует трогательное стихотворение прекрасного поэта Мура:

Девушка
Страна, где спит её герой,
Ужасно далека
Вокруг неё влюблённых рой,
В груди её тоска.
Но холоден её ответ,
И ей никто не мил.
Из под земли не шлёт привет,,

Кто так её любил.
Вверху крылатый херувим,
И пчёлка не стебле.
Но её сердце рядом с ним
Покоится в земле.
Она о родине поёт,
И разгоняет кровь,
И каждая из этих нот
Рождает в нём любовь.
Кто слышит нежный голосок
Тот не поймёт, любя,
Не знает как он одинок,
Как холодна земля.
Как ей забыть весёлый смех
Того, кто шёл ко дну
Ради любви к одной из всех,
Он умер за страну.
Всё то, что было вплетено
В его недолгий век,
Забыто родиной давно,
Недвижен человек.

Искусство Создания Книг

Если справедливы суровые слова Синезия: «Красть труд мертвецов — большее преступление, чем воровать их одежду», — что станет с большинством писателей?

«АНАТОМИЯ МЕЛАНХОЛИИ» БЕРТОНА.

Я ЧАСТО удивлялся чрезвычайной плодовитости прессы и тому, как получается, что так много голов, на которые Природа, по-видимому, наложила проклятие бесплодия, изобилуют объёмными произведениями. Однако по мере того, как человек продвигается по жизненному пути, объектов для удивления у него с каждым днём становится всё меньше, и он постоянно находит какую-нибудь очень простую причину для какого-нибудь нового великого чуда.

Так случилось, что в своих странствиях по этому великому мегаполису я случайно наткнулся на сцену, которая открыла мне некоторые тайны книгопечатания и сразу же положила конец моему изумлению. Как-то летним днем я слонялся по большим залам Британского музея с той апатией, с какой человек обычно прогуливается по склепу в тёплую погоду — иногда я склонялся над стеклянными витринами с минералами, иногда изучал иероглифы на египетской мумии, а иной раз пытался, почти с равным успехом, понять аллегорические росписи на высоких потолках. Пока я праздно осматривался по сторонам, моё внимание привлекла дальняя дверь в конце анфилады апартаментов. Она была закрыта, но время от времени открывалась, и какое-нибудь странное существо, обычно одетое в чёрное, крадучись выходило из неё и скользило по комнатам, не замечая ничего вокруг.

Во всём этом была какая-то таинственность, которая разожгла моё вялое любопытство, и я решил попытаться пересечь пролив Скуки и исследовать неизведанные области за его пределами.

Дверь поддавалась моей руке с той же легкостью, с какой порталы заколдованных замков поддаются отважному странствующему рыцарю — на сей раз она отворилась предо мной, как мне почудилось, практически сама собой. Я оказался в просторном помещении, окруженном огромными шкафами с древними книгами. Над шкафами и прямо под карнизом было развешено множество чёрных портретов древних авторов. С этой высоты они зорко посматривали вниз, как большие нахохлившиеся совы. По всей комнате были расставлены длинные столы с подставками для чтения и письма, за которыми сидело множество бледных, прилежных людей, сосредоточенно изучавших пыльные тома, роющихся в заплесневелых рукописях и делающих подробные пометки об их содержании.

В этом таинственном помещении царила безмолвная тишина, за исключением того, что можно было услышать скрип ручек по листам бумаги и время от времени глубокий вздох одного из этих мудрецов, когда он менял позу, чтобы перевернуть страницу древнего фолианта; несомненно, это происходило из-за пустоты и плоскостопия, свойственных ученым исследованиям.

Время от времени один из этих персонажей записывал что-то на маленьком листке бумаги и звонил в колокольчик, после чего появлялся его знакомый, в глубоком молчании брал листок, выскальзывал из комнаты и вскоре возвращался, нагруженный увесистыми фолиантами, на которые другой бросался зубами и ногтями, с ненасытной прожорливостью. Я больше не сомневался, что наткнулся на группу магов, глубоко погруженных в изучение оккультных наук. Эта сцена напомнила мне старую арабскую сказку о философе, запертом в заколдованной библиотеке в недрах горы, которая открывалась только раз в год; где он заставил духов этого места принести ему книги, содержащие всевозможные тёмные знания, так что в конце года, когда волшебный портал снова распахнулся на своих петлях, он вышел наружу, настолько

сведущий в запретных знаниях, что смог парить над головами толпы, и управлять силами природы. Теперь, когда моё любопытство было полностью возбуждено, я шепотом обратился к одному из приближённых, когда он собирался покинуть комнату, и попросил объяснить мне странную сцену, представшую передо мной. Для этой цели было достаточно нескольких слов. Я обнаружил, что эти таинственные персонажи, которых я принял за магов, были в основном авторами и как раз занимались изготовлением книг. На самом деле я находился в читальном зале великой британской библиотеки, огромном собрании томов всех эпох и языков, многие из которых сейчас забыты и большинство из которых редко читаются: одним из тех уединённых хранилищ устаревшей литературы, к которым современные авторы обращаются за целыми ведрами, полными классических знаний, или за «чистом английском, незапятнанным» языком, с помощью которого они расширяют свой скудный кругозор.

Теперь, когда я овладел секретом, я присел в уголке и стал наблюдать за процессом изготовления, или лучше сказать — порождения книги. Я заметил одного худощавого, желчного на вид человека, который не искал ничего, кроме самых изъеденных червями томов, напечатанных черными буквами. Он, очевидно, создавал некий труд, исполненный глубокой эрудиции, который мог бы приобрести каждый человек, желающий, чтобы его считали учёным, с тем, чтобы торжественно поставить на видную полку в своей библиотеке или разложить открытым на столе, но, не дай бог, никогда не читать. Я наблюдал, как он время от времени вытаскивал из кармана большой кусок печенья и грыз его; был ли это его обед, или он пытался избежать переутомления желудка, вызванного долгими размышлениями над сухими сочинениями, я предоставляю решать более усердным ученикам, чем я.

Там ещё ошивался один маленький щеголеватый джентльмен в яркой одежде, с выражением лица, располагающим к болтовне и сплетням, который походил на писателя, находящегося в хороших отношениях со своим книготорговцем. Присмотревшись к нему повнимательнее, я распознал в нём прилежного собирателя разнообразных работ, который хорошо справлялся с торговлей. Мне было любопытно посмотреть, как он изготавливает свои изделия. Он производил больше шума и показухи, чем кто-либо другой; заглядывая в разные книги, перелистывая страницы рукописей, отрывая кусочек от одной, кусочек от другой, «строка за строкой, наставление за наставлением, здесь немного, там немного». Содержание его книги, казалось, было таким же разнородным, как содержание «ведьминога котла» в «Макбете». То тут, то там он добавлял большой палец, жало лягушки и слепого червя, разбавляя всё своими собственными домыслами и измышлениями, сплетнями и выдумками, похожими на «кровь бабуина», чтобы сделать смесь, как он говорил, «вкусной». В конце концов, подумал я, не может ли эта склонность к воровству быть заложена во всех авторов? Неужели воруют только в «мудрых» целях? Разве не так Провидение позаботилось о том, чтобы семена знания и мудрости сохранялись из века в век, несмотря на неизбежный упадок произведений, в которых они были впервые созданы? Мы видим, что Природа мудро, хотя и причудливо предусмотрела перенос семян из одного региона в другой в утробах некоторых птиц; так что животные, которые сами по себе немногим лучше падали и, по-видимому, незаконные грабители фруктовых садов и кукурузных полей, на самом деле являются посланцами Природы, которые рассеивают и увековечивают её благословения.

Подобным же образом красота и утончённые мысли древних и устаревших авторов подхватываются этими стаями писателей-хищников и выбрасываются вперёд, чтобы снова расцвести и принести плоды в отдалённые времена. Многие из их работ также претерпевают своего рода метемпсихоз и обретают новые формы. То, что когда — то было тяжеловесной историей, возрождается в форме плутовского романа — старая легенда превращается в современную пьесу, а трезвый философский трактат становится основой для целой серии весёлых и искромётных эссе. Так обстоит дело на вырубках в наших американских лесах: там, где мы сжигаем лес из величественных сосен, на их месте вырастает потомство карликовых дубов; и мы нико-

гда не видим, как поваленный ствол дерева превращается в почву, но он дает начало целому племени грибов.

Поэтому давайте не будем сокрушаться по поводу упадка и забвения, в которые погружаются древние писатели; они всего лишь подчиняются великому закону Природы, который гласит, что время жизни всех форм материи подлунного мира ограничено своей продолжительностью, но который также предписывает, что их первоэлемент никогда не исчезнет. Поколение за поколением, как в животном, так и в растительном мире, уходит из жизни, но жизненный принцип передаётся потомкам, и вид продолжает процветать.

Так же и авторы порождают авторов, и, произведя на свет многочисленное потомство, в глубокой старости они почивают со своими отцами, то есть с авторами, которые были до них — и у которых они всё украли.

Пока я предавался этим бессвязным фантазиям, я прислонился головой к стопке почтенных фолиантов. То ли из-за снотворного воздействия этих произведений, то ли из-за глубокой тишины в комнате, то ли из-за усталости, вызванной долгими блужданиями, то ли из-за дурной привычки дремать в неподходящее время и в неподходящем месте, от которой я сильно страдаю, но случилось так, что я задремал.

Однако мое воображение по-прежнему было занято, и действительно, перед моим мысленным взором предстала та же сцена, лишь немного изменившаяся в некоторых деталях. Мне приснилось, что комната по-прежнему украшена портретами древних авторов, но их количество увеличилось. Длинные столы исчезли, и вместо мудрецов-волхвов я увидел оборванную толпу, какую можно увидеть в огромном хранилище старой одежды на Монмут-Стрит. Всякий раз, когда они хватались за книгу, в силу одного из тех несоответствий, которые свойственны сновидениям, мне казалось, что она превращается в предмет одежды иностранного или старинного фасона, которым они начинали экипироваться. Однако я заметил, что никто не претендовал на то, чтобы надеть на себя какой-то определённый костюм, но брал рукав у одного, накидку у другого, юбку у третьего, таким образом, наряжаясь по частям, в то время как некоторые из его оригинальных лохмотьев выглядывали из-под позаимствованного наряда.

Там был дородный, румяный, упитанный священник, который, как я заметил, через монокль пожирал глазами нескольких заплесневелых авторов-полемистов. Вскоре он ухитрился надеть просторную мантию одного из древних отцов церкви и, присвоив седую бороду другого, как я понял, старался выглядеть чрезвычайно мудрым; но заурядная ухмылка на его лице сводила на нет все присвоенные им атрибуты мудрости. Один болезненного вида джентльмен был занят вышиванием очень тонкого предмета одежды золотыми нитями, взятыми из нескольких старых придворных платьев времен правления королевы Елизаветы. Другой нарядился в роскошную причёску, позаимствованную из иллюстрированного манускрипта, сунул за пазуху букетик, взятый из «Рая изящных приемов», и, сдвинув набекрень шляпу сэра Филипа Сидни, гордо удалился с изысканным видом вульгарной элегантности. Третий, который был невысокого роста, храбро держался, прихватив с собой несколько малоизвестных философских трактатов, так что спереди у него был весьма внушительный вид, но сзади он был в плачевных лохмотьях, и я заметил, что он залатал свою одежду обрывками пергамента с латинского алфавита. Правда, среди них ошивалось несколько хорошо одетых джентльменов, которые взяли себе лишь несколько драгоценных камней, которые сверкали среди их собственных украшений, не затмевая их самих. Некоторые, по-видимому, тоже рассматривали костюмы старых писателей, просто чтобы проникнуться их привычками и вкусами и уловить их атмосферу и дух; но я с прискорбием должен сказать, что слишком многие были всё равно склонны одеваться с головы до ног в той лоскутной, цыганской манере, о которой я упоминал.

Я не намерен забыть рассказать об одном гении в серых бриджах и гетрах и шляпе в аркадском стиле, который питал сильную склонность к пасторали, но чьи сельские стран-

ствия ограничивались классическими уголками Примроуз-Хилл и уединёнными уголками Риджентс-Парка.

Он нацепил на себя венки и ленты всех старых пасторальных поэтов, какие обнаружил, и, склонив голову набок, расхаживал с фантастическим, апатичным видом, «бормоча что-то о зелёном поле, и каком-то огоньке, к которому все стремятся». Но больше всего моё внимание привлёк прагматичный пожилой джентльмен в облачении священника с удивительно большой и квадратной, но абсолютно лысой головой. Он вошёл в зал, пыхтя и отдуваясь, протолкался локтями сквозь толпу с видом непоколебимой уверенности в себе и, схватив толстую греческую кружку, нахлобучил её на голову, после чего величественно удалился в своём устрашающе завитом парике.

В разгар этого литературного маскарада со всех сторон вдруг раздались крики: «Воры! Воры!»

Я взглянул, и о чудо! портреты на стенах ожили! Старые авторы высовывали из-за холста сначала голову, потом плечо, с любопытством оглядывали пёструю толпу, а затем с яростью в глазах спускались вниз, чтобы потребовать свою награбленную собственность. Последовавшая за этим сцена беготни и гвалта не поддается никакому описанию. Несчастные преступники тщетно пытались скрыться со своей добычей. На одной стороне можно было увидеть полдюжины старых монахов, раздевающих современного профессора; на другой — печальное опустошение, внесенное в ряды современных драматургов. Бомонт и Флетчер бок о бок носились по полю боя, как Кастор и Поллукс, а крепыш Бен Джонсон сотворил больше чудес, чем когда был добровольцем армии Фландрии. Что же касается щеголеватого маленького составителя «Фаррагоса», о котором упоминалось некоторое время назад, то он нарядился в такое же количество лоскутов и расцветок, как и арлекин, и вокруг него разгорелся такой же ожесточенный спор претендентов, как и вокруг мёртвого тела Патрокла. Я был огорчён, увидев, что многие мужчины, на которых я привык смотреть с благоговением и почтением, были вынуждены ускользнуть, едва прикрыв свою наготу какой-нибудь тряпкой. Как раз в этот момент мой взгляд привлёк прагматичный пожилой джентльмен в греческом парике с проседью, который в сильном испуге убежал прочь, а полдюжины авторов топали ногами и кричали ему вслед. Они наступали ему на пятки; пока наконец парик в мгновение ока не слетел с него; и на каждом шагу с него снимали какую-нибудь полоску одежды, пока через несколько мгновений его властная пышность не превратилась в маленького, поджарого, «лысого коротышку», и он выскочил в какое-то иное пространство, оставив за спиной лишь несколько бирок и тряпок. В катастрофе, постигшей этого ученого фиванца, было что-то настолько нелепое, что я разразился безудержным хохотом, который разрушил всю иллюзию. Суматоха и потасовка мгновенно прекратились. Зал принял свой обычный вид. Старые авторы дёрганymi движениями снова убралась в свои рамки и с мрачной торжественностью расцвели картины по стенам.

Короче говоря, я обнаружил, что совершенно не сплю в своем углу, а всё это сборище анкилостомий с удивлением уставилось на меня. Во сне не было ничего реального, кроме моего взрывного смеха, звука, никогда прежде не слышанного в этом мрачном святилище и столь отвратительного для ушей мудрецов, что он наэлектризовал братство. Библиотекарь подошёл ко мне и спросил, есть ли у меня пропуск. Сначала я его не понял, но вскоре понял, что библиотека — это своего рода литературный «заповедник», подчиняющийся законам охоты, и что никто не должен позволять себе охотиться там без специальной лицензии и разрешения. Одним словом, меня обвинили в том, что я отъявленный браконьер, и я был рад поспешно ретироваться, чтобы не натравливать на себя целую ораву авторов.

Королевский Поэт

МЯГКИМ солнечным утром в чудесном месяце мае я совершил экскурсию в Виндзорский замок. Это место связано с легендами и поэтическими аллюзиями. Одного внешнего вида гордого старого здания достаточно, чтобы вдохновить на возвышенные мысли. Он вздымает свои неровные стены и массивные башни, словно благородную королевскую корону на вершине, водружённую на вершине высокого горного хребта, он развеивает в облаках свое королевское знамя и с величественным видом взирает на окружающий мир сверху вниз. В это утро стояла та сладострастная весенняя погода, которая пробуждает всю скрытую романтику человеческого темперамента, наполняя разум музыкой и располагая к стихам и мечтам о прекрасном. Бродя по великолепным залам и длинным гулким галереям замка, я равнодушно проходил мимо целых рядов портретов воителей и государственных мужей, но задержался в зале, где висели портреты красавиц, украшавших весёлый двор Карла Второго; и когда я смотрел на этих чаровниц, изображённых влюбленными, с игриво растрепанными локонами и сонными влюбленными глазами, я благословлял карандаш сэра Питера Лели, который позволил мне греться в отраженных лучах чужой красоты. Когда я проходил по «большим зелёным дворам», где солнечные лучи играли на серых стенах и скользили по бархатистому газону, мой разум был поглощен образом нежного, галантного, но незадачливого Суррея и его рассказом о том, как он слонялся по ним в юности, когда был влюблен в Леди Джеральдину—

«Взор устремляя к девической башне,
С лёгкими вздохами, как у влюблённых.»

Охваченный этим поэтическим настроением, впитывая и глотая новые впечатления, я посетил древнюю крепость замка, где Джеймс Первый Шотландский, гордость и герой знаменитых шотландских поэтов и историков, долгие годы своей юности сидел в застенке в качестве государственного узника.

Это большая серая башня, которая стойко выдержала удар веков и до сих пор прекрасно сохранилась. Она стоит на холме, что возносит её над остальными частями замка, а во внутренние помещения ведёт большой лестничный пролёт. В оружейной палате, готическом зале, сплошь уставленном оружием всех видов и эпох, мне показали висящие на стене доспехи, которые когда-то принадлежали Джеймсу.

Отсюда меня провели вверх по лестнице в анфиладу покоев, отличавшихся поблекшим великолепием и увешанных легендарными гобеленами, которые служили ему тюрьмой и сценой той страстной и причудливой любви, которая вплела в паутину его истории волшебные оттенки поэзии и вымысла.

Вся история этого милого, но неудачливого принца в высшей степени романтична. В нежном одиннадцатилетнем возрасте его отец, Роберт III, отослал его из дома и предназначил для французского двора, где он воспитывался под присмотром французского монарха, защищённый от предательства и опасностей, окружавших королевский дом Шотландии.

Во время своего путешествия он попал в руки англичан, и Генрих IV держал его в плену, несмотря на то, что между двумя странами существовало перемирие. Известие о его поимке, пришедшее вместе со многими печальями и бедствиями, оказалось роковым для его несчастного отца.

«Эта новость, — рассказывают нам, — была принесена ему во время ужина и настолько ошеломила его горем, что он был почти готов отдать свой дух в руки слуг, которые прислуживали ему. Но когда его отнесли в спальню, он воздержался от всякой пищи и через три дня умер от голода и горя в Ротсее». * * Бьюкенен.

Джеймс провёл в заточении более восемнадцати лет, но, хотя и был лишён личной свободы, к нему относились с уважением, подобающим его рангу. Были приняты меры к тому, чтобы обучить его всем отраслям полезных знаний, которые культивировались в то время, и привить ему те умственные и личные качества, которые считались подобающими принцу. Возможно, в этом отношении его тюремное заключение было преимуществом, поскольку оно позволило ему более сосредоточенно заниматься своим совершенствованием и спокойно впитывать тот богатый багаж знаний и лелеять те изысканные вкусы, которые так ярко запечатлелись в его памяти. Картина, нарисованная шотландскими историками о его молодости, в высшей степени увлекательна и напоминает скорее описание героя романа, чем персонажа реальной истории. Нам говорят, что он был хорошо обучен «фехтованию на мечах, рыцарским турнирам, борьбе, пению и танцам; он был искусным знахарем, искусно играл на лютне, арфе и на многих других музыкальных инструментах, а также был знатоком грамматики и ораторского искусства, и поэзия».

Перевод Гектора Бойса, выполненный Балленденом.

Такое редкостное сочетание мужественности и утончённости позволяло ему блистать как своей активностью, так и в элегантностью и давало ему острое ощущение радости жизни, хотя в эпоху застолий, суеты и рыцарства, должно быть, его заключение явилось суровым испытанием, согласитесь, что провести весну своих лет в нудном заточении — это не тот удел, которому кто-то способен позавидовать. Джеймсу, однако, повезло, что он был одарен сильным поэтическим воображением и что в тюрьме его посещали самые изысканные образы музыки. Некоторые умы разрушаются и становятся бездеятельными из-за потери личной свободы; другие становятся болезненными и раздражительными; но природа поэта такова, что он становится нежным и наделенным богатым воображением в одиночестве заточения. Он наслаждается медом своих собственных мыслей и, подобно птице, попавшей в плен, изливает свою душу в мелодии.

Разве вы не видели соловья,
Пилигрим, запертый в клетке,
Как же она поет свою обычную историю,

В своем уединенном жилище!
Даже там ее чарующая мелодия доказывает,
Что все ее ветви — деревья, а ее клетка — роща.+ +
Роджер Л'Эстранж.

Поистине, божественным свойством воображения является то, что оно неудержимо, неуправляемо, спонтанно — что, когда реальный мир закрыт, оно может создать свой собственный мир и, обладая некромантической силой, может вызывать в воображении, мираж, населённый великолепными формами и великолепным видением, чтобы населить человеческое одиночество и сделать его многолюдным, наполнить его светом, как факел развеивает мрак подземелья. Таков был мир пышности и зрелищ, окружавший Тассо в его мрачной келье в Ферраре, когда он рисовал великолепные пейзажи своего Иерусалима; и мы можем рассматривать «Королевскую Причуду», сочиненную Джеймсом во время его заключения в Виндзоре, как ещё одно прекрасное проявление души, вырвавшейся из заточения и мрака тюремного каземата. Темой стихотворения является его любовь к леди Джейн Бофорт, дочери графа Сомерсета и принцессе английской королевской крови, в которую он влюбился во время своего пребывания в плену.

Особую ценность книге придает то, что её можно считать отражением истинных чувств королевского барда и историей его настоящей любви и удачи. Не так часто монархи пишут стихи или поэты занимаются реальной политикой. Самолюбию простого человека приятно

видеть, что монарх таким образом добивается, так сказать, допуска в его каморку и стремится завоевать его расположение, потворствуя его удовольствиям. Это доказательство честного равенства в интеллектуальном соревновании, которое снимает все атрибуты искусственного достоинства, низводит кандидата до уровня его собратьев и обязывает его для достижения успеха полагаться на свои собственные врождённые способности. Любопытно также узнать историю сердца монарха и обнаружить, что под мехом горносталя бьются простые человеческие чувства. Но Джеймс научился быть поэтом ещё до того, как стал королем; он прошёл школу невзгод и вырос в окружении собственных мыслей. У монархов редко бывает время для того, чтобы поговорить со своими сердцами или посвятить свои мысли поэзии; и если бы Джеймс воспитывался среди лести и веселья двора, у нас, по всей вероятности, никогда не появилось бы такого стихотворения, как «Причуда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.